

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon lights in shades of blue, purple, and orange. A lone figure in a dark coat and hooded jacket stands in the center of the street, looking towards a bright light source at the far end. The overall atmosphere is mysterious and futuristic.

Последний Судья

18+

Мансуров Андрей

Андрей Арсланович Мансуров

Последний Судья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69791206

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот сборник состоит из двух рассказов: "Вернуться домой" и "Единственно разумное решение", и повести "Последний судья". В первом рассказе приключения двух друзей с пониженной социальной ответственностью доказывают, что путешествовать между Мирами можно и без помощи ракет. Во втором рассказе два друга-авантюриста, странствующие по Космосу в поисках Куша и приключений, находят то, что может уничтожить всё Человечество. А заодно и получают ответы на древние вопросы. В повести рассказывается о том, что порой огромная ответственность за правильное Решение о судьбе планеты выпадает на долю ребёнка. И рассудительности и логики у девочки оказывается побольше, чем у взрослых...

Андрей Мансуров

Последний Судья

Вернуться домой

Рассказ.

Мы с Коляном были в тот момент с большого бодуна... Ну как большого: по полбутылки на брата выжрали накануне: день работника общественного транспорта, всё-таки. День-ги позаимствовали из гомонка Коляновской Ленки: пока она на дежурстве была. А повод вполне законный: Колян однажды целых два дня работал в автобусном парке, сторожем. Пока его не поймали на выносе двух баклажек с незамерзайкой. Так что полечиться нам тогда хотелось... Ну страсть как! Так. О чём это я?..

А, да. Вот: только не вполне... э... адекватное состояние и сподвигло нас эту дебильную идею и правда – осуще... Ощусэ... Это, как это... Короче: воплотить! Тем более, что все доступные люмениевые провода с отключенной ЛЭП, в-смысле, с деревянных столбов, старые кастрюли, и даже остатки телефонных кабелей мы к тому времени на цветной металл подавали. И даже металлолом выгребли со всех поселковых сараев...

Словом, мысль о том, что в давно заброшенной и проклятой усадьбе графьёв Полторацких могут иметься ещё никем не растащенные ценности, спрятанные в забитых мусором,

или даже замурованных, подвалах, не давала нам покоя аж три недели. Поскольку именно столько прошло времени с тех пор, как туда водили экскурсию из экстремалов. А именно – любителей всяких «зон отчуждения» типа Чернобылей, и просто заброшенных складов, и диггеров, которых через объявления в интернете собрали, и водили туда наши отвязные малолетки: Интерфейс и Глюк. Они, собственно, и сами, не уверен, что верят во всю эту лапшу про призрак графини Ольги, но уж развешивать её на уши доверчивым лохам из города научились: профессионалы. Почти как Байден.

Ну а мы с Коляном тогда чисто случайно оказались рядом – лежали в кустах, ожидая, когда закончится период «бурной страсти» у Коляновской бабы – я уж говорил: Ленка её зовут. И после того, как Колян разбил случайно её любимую вазу, гонялась она за ним по всему посёлку со скалкой. А что? С Ленки станется: запросто могла сделать ему и сотрясение мозга, и перелом пары рёбер! А вот задница и ляжки у моего всегдашнего напарника очень даже крепкие: отделался тогда просто тремя огромными фингалами. Гематомы они называются, когда надо больничный выписать. Или протокол составлять.

Вот и пережидали мы, пока с сожительницы Коляновской сойдёт, спрятавшись в кустах с ежевикой: я-то согласился побыть с Коляном за компанию... Да и на разведку сходить, посмотреть, как там Ленка, не остыла ли, если что. И вот, пока мы лежали, неплохо в-принципе, спрятавшись, Интер-

фейс и провёл, так сказать, «вводную лекцию» про нашу усадьбу.

Я и не подозревал, что она, в-смысле, усадьба, у нас такая «историческая». Нет, конечно пацанами мы туда бегали, плялились, копались в мусоре... Но уже тогда там смотреть было не на что. ну, или это мы привыкли, и нам было пофиг – не то, что диггерам там всяким, да ещё, как мы поняли, из соседнего района.

Оказывается, построили её аж в тысяча семьсот сорок третьем году, и въехал туда какой-то фаворит Анны Иоанновны... Опальный к тому моменту. Что не помешало ему и его потомкам капитально обжить эту вотчину и прилегающие окрестности.

Ну, во времена большевиков, ясное дело, чухнули они все, эти самые потомки, за границу. И больше не показывались – не было о них ни слуху ни духу вплоть до развала Союза. А потом, в лихие девяностые, приехал один старичок-наследничек, потыркался по этим графским развалинам, да плюнул, и уехал. Не захотел даже пытаться отсудить права на «отчий дом». Да и то сказать: выглядела к тому времени усадьба ужасно...

От неё, если говорить конкретно и просто, только стены и остались. Крыша, балки, стропила, и вообще все перекрытия к тому времени давно сгнили. Мебели и прочие атрибуты роскошной жизни оттуда ещё в двадцатые-тридцатые годы повытащили шустрые кулаки, а потом и колхознички.

А уж про то, что даже все печки изразцовые разобрали на кирпичи, можно и не говорить... Так что от здания и всяких там служб-сарайчиков и пристроек остался к началу двадцать первого века только скелет из двухэтажных стен, к тому же местами порушившийся. И это ещё при том, что Великая Отечественная сюда не доходила. И там, в усадьбе, не делали склад, как в нашей церкви в тридцатые.

Ну, мы с Коляном про славную предысторию нашего местного «исторического достояния» и «приманки для сталкеров» слышали кое-что и до этого, но чтобы так подробно, со всеми датами, и фамилиями архитекторов и прочих строителей, реставраторов и до-строителей... Плюс родословная: кто кого и когда родил. Да и ладно: не суть.

А суть в том, что какие бы отвязные все эти экстремалы и сталкеры не были, то, что они-то ничего потенциально ценного и большого из подвалов вытаскивать не будут, мы дотумкали. Ну правильно: они не за тем сюда приезжают!

А за – «впечатлениями», мать их... Ну и поснимать друг друга для Енстаграма.

Ну а нам-то не до впечатлений: нам бы найти чего-то такого, чтоб можно было продать или перепродать, да и набрать денежки на опохмелку, и закусочку к ней. А то баба Клава, как мы все в посёлке её называем, хотя она какая-то там Камиллахон, в кредит нам уже года полтора, если не два, не отпускает. А самогонный аппарат-то у Коляна взорвался к ... ерам собачьим ещё при Медведеве.

Ну вот и надумали мы сходить туда, в усадьбу. Проведать, так сказать, местный арт-объект, как его обозвал тогда, во время вводной лекции для трёх сосредоточенно-серьёзного вида качков-очкариков и двух отвязных девиц в драных джинсах, Интерфейс.

Сама экскурсия, как мы тогда специально посмотрели, заняла не больше часа: ну правильно, чего уж там рассматривать? Разве что кучи щебня, разбитых и рассыпавшихся в рыжую труху кирпичей, да проросшие сквозь эти кучи сорняки – вот они к августу месяцу непременно поднимаются выше моего роста. Мрачные такие на вид... А уж репьев на них!..

Но как мы поняли, Интерфейс и Глюк заморочились заранее: расчистили кое-какие проходы, ведущие в основные подвалы под центральным зданием. Свежевыкинутых обломков и осколков мы тогда обнаружили огромную кучу в остатках одного из сарайчиков: кубометров пять! Если не десять. Не на один день, стало быть, работы. А мы и не заметили, как ребята готовят себе источник для подработки!

Впрочем, то, что не заметили, как они пахали – как раз не удивительно.

Мы же в сторону усадьбы и не ходили почти никогда. Это всё Ленкины происки: загнала тогда Коляна далеко от дома... Ну а меня-то он позвал через свой мобильник: мы с ним наши старые и надёжные Нокии до сих пор, как зеницу ока. Потому что пусть и без вывертов, и с подсевшими ак-

кумуляторами – но работают уж лет по пятнадцать! Если не по двадцать.

Ну вот, тогда, пока лежали, можно сказать, и надумали.

Раз, тем более, ребята заморочились, да всё расчистили – можно лезть.

Вот Колян и хотел лезть – буквально сразу после того, как молодёжь, пресытившись руинами, убралась. Да я отговорил. А мысль, которая тогда мной руководила, была проста: если уж мы полезем в подвалы, нужно и соответствующим образом подготовиться! Взять пару баклашек с водой, еды какой-нибудь, ну и того, что нужно ею закусывать! И про фонари не забыть! А, да: на всякий случай и кувалду захватить! Вдруг там обнаружим какой-нибудь замурованный секретный проход или помещение?! А в нём-то уж точно, чего-нибудь для нас и найдётся! Хотя...

Хотя у молодых-то наших глаза, конечно, поострее. Если б чего там было размуровать – они бы размуровали, и влезли, не сомневайтесь!

Ну, тут нам, можно сказать, подфартило: в магазин бабы Клавы как раз привезли свежую партию китайских одноразовых фонариков. Даже моя Наташка купила пару штук – про запас. А поскольку я кое-чего в электрике соображаю, я наш старый, давно севший, но с целым светодиодом, переоборудовал: сделал тубус из картона, обмотал скотчем, засунул внутрь три обычные батарейки, а не эти, крохотные, таблетки-аккумуляторы. Подсоединил тонкие медные провода,

оставшиеся от телефонных кабелей. Заработало! Фонарь я примотал скотчем к картонному тубусу: неказисто, но – действительно! И светить такой модернизированный источник света должен не меньше пары суток! Ёмкость всё-таки в десятки раз выше!

Колян, конечно, сказал мне, что я – голова, и это было приятно слышать. Пусть света такой фонарь давал и не так много, как большой покупной – но нам много и не надо! Потому что того, что можно продать, уж *мы-то* – не пропустим!

Вот как-то с утрачка, когда уж очень хотелось поскорее чего-нибудь уронить на «старые дрожжи», мы и полезли. Колян тащил кувалду, которая чудом сохранилась в их с Ленкой кладовке, мощную такую, килограмм на пять, а я – рюкзак с нашим нехитрым барахлишком. Баклажки с водой там имелись, как и бутерброды с варёной колбасой, а вот того, главного – нет. Собственно, если б оно было – на ... рена бы мы куда-то полезли!..

Через репы и сорняки пролезли легко: спасибо Интерфейсу и Глюку. Да, они их повырубили, хотя бы частично, уж больно видать, надеялись на наплыв желающих. Ага, два раза. Думаю, эта давешняя экскурсия оказалась и последней – не иначе те, пятеро, пооставляли в этом Енстаграме не слишком приятных комментов... Да и видео выложили – из которого ясно, что смотреть-то – не на что!

Ну а нам – плевать на «достопримечательности», тайны, и архитектурные изыски. Нам бы – цветного металла! Ну, или

хотя бы – металлолома. Или хоть подсвешник какой заплесневелый. Вот и полезли в неправильной формы дыру, ту, где раньше дверь-то в подвалы была. Сейчас сгнившая, и отброшенная ребятами на одну из куч щебня.

Влезли. Коридорчик. Тёмный, унылый, низкий. И под ногами – мусор да щебень. Видать, веником ребята поленились поработать. С другой стороны – правильно: а то кто же поверит, что подземелья – «заброшенные»?

Включил я свой электронный шедевр, а Колян, оказывается, на всякий случай позаимствовал у Ленки и новоприобретённый китайский, но я сказал пока выключить его – мало ли! Вдруг моё хозяйство в самый неподходящий момент откажет? Такое случается. Особенно в фильмах ужасов. Это Колян мне задвинул: прёмся, говорит, словно толпа придурошных подростков из американского фильма, прямо в лапы призраков! Ну, я за напарничком отродясь сантиментов или боязни замкнутых пространств не замечал, поэтому просто предложил ему заткнуться, да постоять в середине коридорчика. Чтоб дать глазам, стало быть, привыкнуть к полумраку.

Ну, постояли мы с минуту. Я прикалывался, Колян огрызался. Дескать, просто «случайно» вспомнил парочку таких фильмов. Сами на ум пришли. Из-за руин.

Через минуту и правда: стали лучше видеть. И пошли. А идти-то куда – особо выбирать не приходилось. Коридорчик сразу выходил в один большой длинный коридор, идущий под всем зданием. И было в этом втором коридоре метров

двадцать в длину. И вот отсюда как раз ребята мусор и обломки массивной кладки повытаскивали: на полу было пусто и чисто. Ну, относительно, конечно. Потому что следы в пыли от кроссовок партии сталкеров виднелись отчётливо. Вот по ним мы и потопали. Благо, здесь можно было стоять почти в полный рост. Вот только до стен старались не дотрагиваться: их, если можно так сказать, «украшали», огромные и омерзительные на вид чёрные и серые пятна: плесень! Она и пахла, культурно говоря. А если нормально – воняла! От души.

В подвал, как оказалось, выходили проёмы. Ведшие когда-то в клетушки-комнатушки под зданием. Сейчас, ясное дело, пустые и захламлённые: мы осматривали придирчиво и внимательно каждую. Но ничего путного, кроме всё тех же обломков и щебня, ну, и кое-где сгнивших досок, (видать, от полов) не обнаружили. Ну правильно: до нас тут шарило минимум четыре поколения любопытствующих, ищущих, чем бы поживиться! Сволочи. Ничего не оставили. Разве что запах той же плесени и гнилых досок...

До конца коридора мы добрались быстро – всего за полчаса.

Разочаровались, ясен пень. Такую сложную экспедицию организовали, и всё – зря! Колян матерился вслух, я вздыхал – к тому времени всё равно все руки испачкал в рыжей пыли от кирпичей, и липкой плесени, которой они были покрыты, и одежду тоже... А Наташка моя стирать то, что я извадюкал

– страсть как не любит.

Поэтому решил я «поумничать». Говорю:

– Колян. Мы, вроде, всё осмотрели. Но! Если вспомнишь, боковое крыло, то, что в самом начале, пока не обрушилось напрочь, было, вроде, старейшим – с него и начинали, по версии Интерфейса, строительство. А тут под него ничего не ведёт! Ни единого хода! Как думаешь – это логично?

– Нет, понятное дело! Но мы же всё осмотрели. Нет тут никаких ходов под это старинное крыло!

– Вот! На это я тебе тонко и намекаю! Заморочка тут, стало быть, имеется!

– Ты о чём?

– А вот пошли-ка снова в начало! Да посмотрим поподробней, откуда бы мог идти такой ход – под первое крыло!

Ну, до этого момента всё у нас, вроде, шло нормально. Нашли мы крайнюю правую комнату, и даже обыскали весь её дальний торец – ну ни единого следа от заложенных проёмов, или секретных подземных ходов! Комнатка как комнатка – поскольку была первой справа, её ребята расчистили уж получше, чем остальные – те, что в дальнем конце центрального коридора... Колян говорит:

– Назови меня кургузой лошадыю, если я вижу, где тут вход в «секретные» подвалы под старейшим крылом!

– Я тоже не вижу! – накатило тут на меня, как будто я – умнее всех! – А посмотри, – говорю, – на торцевую стенку. Видишь, какая она ровная и отлично оштукатуренная?! А

какой смысл в подвалах – что-то – штукатурировать?! Ведь почти все остальные стены подвала, кроме двух – или кирпичные, или уж – из простых каменных блоков! Фундамент же!

Колян чешет репу. Потом словно осенило и его:

– Ну ты, Череп, и голова! А здорово это ты додумался! Значит, замурованные лазы тут точно – есть! Их-то строители, ну, или те, кто здесь что-то прятал, и хотели спрятать! Замуровав, и заштукатурив *всю* стену! Чтоб проёмы себя силуэтами не выдавали! И как ты точно подметил – таких заштукатуренных стены, стало быть, с лазами – три!

– Ну вот! Вижу, уловил ты мою мысль. Так что? Раз уж мы один ...рен испачкались, аки свиньи, попробуем для начала эту – поколупать?

– Попробовать-то мы конечно, попробуем... Только – где колупать-то?!

– А вот здесь и начинай! – тычу пальцем прямо по центру стены, – Логично предположить, что если где и был вход, так – по центру!

– Ага. Погоди-ка... – поплевал мой Колян на ладони, да как даст кувалдой прямо по центру стены, куда я ткнул!

Отвалился сразу приличный шмат штукатурки, площадью с полстола. Колян еле успел отскочить. А уж пылюки поднялось – еле свет от моего фонарика сквозь неё проби-вался!

– Тьфу ты! – Колян начал не на шутку отплёвываться, и материться, и поспешил отбежать ещё подальше, – Ты дол-

жен мне доплачивать! За вредность! И пыльность!

– А погоди маленько. – достаю я тут из моего рюкзака первую полуторалитровую баклажку с водой. Набираю водички полный рот, и – ф-фу-у-у-у!

Мне не привыкать делать мелкую водяную пыль: Наташка, после того, как сломался распылитель на утюге, просит меня об этом постоянно.

После пяти «ф-ф-у-у» пыль более-менее осела. Подошли мы поближе, стали рассматривать обнажившуюся кладку.

Ну и ничего. Такие же камни, как и почти везде здесь. Крупные, серые, скреплённые известью. От времени почерневшей, и скользкой и противной на вид и на ощупь. Чешу репу теперь уж я. Говорю:

– Подержи-ка наш фонарь теперь ты. Только провода не оборви!

Беру кувалду из рук Коляна, ему передаю мою самоделку. Та пару раз мигнула, но коляновские лапы, про которые даже Ленка говорит, что они не тем концом вставлены, выдержала.

– Свети, – говорю, – сюда! И встань подальше: зашибу!

А сам примериваюсь к месту, теперь уже в углу, на высоте где-то метра над полом. Но вначале фукнул я и туда – водой. Всё пыли поменьше будет.

Ударил я – куда там Коляну! Но заплесневевшей штукатурки вывалилось примерно так же. Ну и – камень он камень и есть. Никаких «проходов».

После того, как вволю наругались и наотплёвывались, пошёл я и в другой угол.

А вот здесь нам реально повезло!!!

Потому что под штукатуркой оказался не камень. А как раз – кирпичи! И видно было, что закрывают они действительно что-то вроде замурованного прохода! Колян от радости даже материться прекратил! Словно онемел от счастья! Я тоже порадовался:

– Чтоб мне лопнуть, если мы не на правильном пути! – говорю, – Теперь осталось только проход оконтурить, да пробиться сквозь него!

– Ага, – говорит Колян, – Ну, как первооткрыватель, ты, что ли, и начинай!

Я про него тогда много чего подумал. Но возражать смысла не увидел: у самого руки чесались! Вот и принялся действительно – «оконтуривать».

Когда после пяти минут махания и смачных ударов, от которых, казалось, всё здание над нашими головами сотрясало, весь десятисантиметровый слой штукатурки, надо признать, отсыревшей и сравнительно мягкой, отвалился, я тоже отошёл – отдышаться. А проход обрисовался вполне конкретно. Полтора – в высоту, и полметра – в ширину.

Пришлось снова побрызгать и пофукать везде водой – первая баклажка почти на этом и закончилась. Но теперь всё было видно отлично! Проём, будь он неладен!

– Знаешь что, Череп... – смотрю, напарничек-то мой мнётся, как девица на смотринах, – Чегой-то мне расхотелось туда лезть!

Ну, я на него посмотрел. Уже не прикалываясь.

Колян ёжится под моим взглядом, но не сдаётся:

– Негоже это: тревожить покой того, кто здесь умер!

– Колян! Господь с тобой! А кто здесь – здесь! – умер?!

– Ну... Графиня Ольга. Это же её призрак тут, вроде...

– Ха-ха-ха! – я не удержался, – Колян! Окстись! Даже Интерфейс сказал, что графиня Ольга мирно умерла в своей постели, на восемьдесят втором году жизни, окружённая тремя дочерьми и десятком внуков! Стало быть – нефига ей делать здесь, в *подвале*!

– Да, я помню. – мнётся ещё мой Колян, – Но кто-то же из наших видел её призрак!

– Ну, не знаю. В эти легенды, конечно, кое-кто может и верить... Типа старой тёти Маши, или деда Василия... Но даже Интерфейс и Глюк, как мне кажется, не верят! Уж больно они упирали на то, что призраки ходят только по ночам. И – только там, в верхних этажах. Видать, боялись, что курсанты-то эти... Потребуют у них предъявить призрака! Раз уж обозначили в рекламе! А призрак, если вспомнишь, в последний раз видала баба Зинаида, да причём – ещё при Брежнев!

– Да помню я... Как и то, что самогонный-то аппарат мне как раз от неё и достался. Уж не брезговала, видать, пользо-

ваться – и на продажу, и так...

Но всё равно: хочешь обследовать – маши кувалдой сам!

Ах, вот он к чему всю эту бодягу разводил. Если б до этого я такого факта не просёк, сейчас бы точно догадался, что мой напарничек – просто сачок!

Ну а я помахать, даже тяжелой кувалдой – не против. Но – только если недолго. И немного.

Начал поэтому грамотно: с верхнего слоя. Уж я-то знаю: если где и есть слабина в цементе, или извёстке, так это – в верхних рядах. Там, где давление от вышележащих кирпичей или блоков – послабее. И связующее не столь крепко сцепилось.

То ли расчет оказался верным, то ли кирпичи со временем и правда – сгнили, но пробил сквозную дыру в проёме я за пару минут, и с пары десятков ударов.

– Колян! Посвети-ка туда!

Ну и – ничего. Ещё один коридор. Грязный, пыльный, на этот раз, правда, сплошь заваленный обломками камней, кирпичей, и мебелью. Ну как мебелью: её жалкими, сгнившими и изломанными, остатками! Вон та штука, похоже, была шкафом. А вот эта – комодом. Видна была даже рама от кровати: с резными ножками, и остатками дрынов-колонн. Для балдахина, что ли?

– Ладно, боязливый ты мой, – говорю, видя, что Коляна реально от этой картины заколбасило, и даже лучик нашего фонаря дрожит, как лист на ветру, – Отойди обратно!

Ну, помахал я кувалдой ещё с десяток минут. Проём до пола, конечно, не расчистил, но дыру, чтоб пролезть, сделал. Да и то сказать: в толщину пробка оказалась в два кирпича: такую преграду так просто не развалишь!

– Ну что? Полезем? Или будем мандражировать?

Колян торопливо кивает:

– Думаю, лезть придётся.

Всё понятно. И любопытно, и страшно ему, и стыдно. Стыдно, что думает, что я посчитаю его трусом. А этого он боится ещё больше. А чего тут бояться: сам же мне только что всё и сказал! Что «призрак» там, понимаешь, может водиться!..

– Не парься, Колян. Сейчас – почти полдень. И никого там нет. Все призраки выходят по ночам! Хе-хе.

– По ночам-то, конечно, по ночам... А ты помнишь, что случилось с экспедицией Говарда Картера?

– Ну, поскольку я не знаю, кто это, то помнить ну никак не могу!

– Это тот мужик, что раскупорил гробницу Тутанхамона. Ну, фараона Египетского. Которого мумию в музее Парижа выставили потом. И кучу его золотых украшений. Погребальных.

– Ну и что?

– А то, что поперемерли почти все, кто эту самую гробницу вскрывал, и сокровища чёртовы оттуда доставал! Проклятье, как говорят, жрецов! Наложное на гробницу!

– Ха-ха-ха! – смеюсь уже вполне весело. Потому что мне и правда смешно, – Колян! Ну ты даёшь! У нас тут фараонов отродясь не водилось! Как и жрецов. Как и золотых сокровищ. Ну, а что у нас там, за проёмом, ты и сам видал! Одно гнильё! На такое даже смысла нет проклятье накладывать! Потому что *такое* – и на ...уй никому не нужно! Согласен?

– Ну... Пожалуй.

Вижу, что не убедил его. Но отступать поздно. Тем более, что дыру нашу мы заложить обратно, и заштукатурить ну никак не сможем, и Интерфейс с Глюком если припрутся, сразу её найдут! И уж они-то рефлексировать не будут!

– Короче: пока нам никто не мешает, и молодёжь наша борзая сюда ещё не влезла, предлагаю снять пенки – самим! Вперёд!

Беру из дрожащих Коляновских рук фонарик, и лезу, согнувшись в три погибели, в дыру. Рюкзак, правда, зацепился, и Коляну пришлось его отцеплять и проталкивать. Но вот мы и внутри!

Ну, что сказать.

Ничуть впечатление не лучше, чем при осмотре через дырку.

Одно слово: рухлядь! И много её...

Однако кое-что меня насторожило. Рухлядь навалена всё сплошь возле дыры, которую мы – ну, вернее, я! – проделал, а дальше как будто всё куда приличней выглядит. Нету ни

завалов, ни мусора на полу!

– Колян! Давай-ка мы пролезем мимо всех этих остатков былой роскоши, да двинем вон туда! – показываю лучом, – Там, похоже, расчищено!

Перелезли с трудом. С помощью мата. Кое-что, конечно, пришлось отодвигать, да отбрасывать – а то просто не пролезли бы. Пылюки, конечно, поднялось. Но фукать на неё я уже не стал: смысл, когда её буквально – облака?.. Проще пройти за преграду.

Но вот и последняя дырна осталась позади: ровный пол. Похож на бетонный. Оглядываюсь. Уж слишком всё это было похоже на баррикаду, которую кто-то специально навалил возле проёма: чтоб, стало быть, те, кто даже найдут этот закуток, сюда не сунулись, посчитав бессмысленным. Но со временем мебель-таки подгнила, и пятиметровое в толщину сооружение просело. Да и трухлявые тряпки, которыми всё было завешено, попадали вниз. Сделав проход – видимым. И возможным.

– Посмотри, – говорю, – напарничек. А ведь тут – реально расчищено. Словно кто-то специально сгрёб всю эту рухлядь – к проёму. Забаррикадировавшись.

– Ну, Череп, это уж чушь! – Колян усмехается, хоть и криво, – Для этого этот кто-то должен тут жить! Или хотя бы навещать. И входить-выходить каким-то другим путём!

А поскольку мне эта немудрёная мысль пришла ещё раньше, свечу в самый дальний конец коридора, который тут ку-

да даже шире, чем тот, что под зданием: метров трёх. И то, что я там вижу, оптимизма не внушает.

– Смотри. Коридор сильно наклонный, ведёт вглубь земли. И кончается через метров тридцать. И дальше идёт только наклонный тоннель. Узкий. Изогнутый. И ширины в нём не больше полуметра!

Колян, который и так трясётся, словно замёрз, бормочет:

– Череп! Ну его на фиг! Ничем мы здесь не «поживимся»! Тут одна трухлявая древесина! Да и з-замёрз я уже! Сыро тут. Может – ну его к чертям собачьим, и – свалим к такой-то матери?!

– Ну уж нет! – меня реально заело, – Мы осмотрим тут всё, что сможем! А ты, если боишься, включай свой китайский – да вон он, проём!

– Да нет, я, собственно, не против... – Колян смущён, и боится отступить. Да и стыдно ему, что откосил от махания кувалдой, – Ведь если мы чего всё-таки найдём – продадим-то – напополам?!

– Ну ясен пень. Поделим поровну. Осталось найти!

Баррикаду можно было особенно и не рассматривать: сделаны мебели были, конечно, не из ДСП, но это не помешало им за эти годы превратиться в полусгнившие трухлявые дыры и шелушащиеся шпоном косые-кривые поверхности. Без вариантов.

Когда отошли от баррикады, подивились: пыли здесь точно куда меньше!

А в боках длинного широкого коридора нет ни единой двери.

Тем не менее, мы двинулись вниз, придирчиво рассматривая как раз – стены: вдруг ещё чего замуровано? Но ничего так и не обнаружили.

Дошли до того места, где тоннель перешёл в коридорчик. Коридорчик, как теперь видно, идёт тоже вниз, но где-то через десяток шагов его пол становится, вроде, горизонтальным. А потом плавно так изгибается – за поворотом уже не видно, что там, дальше.

Колян вдруг говорит, и слышу я неподдельное удивление в его голосе:

– Череп! Посвети-ка сюда! – и показывает на пол.

Свечу.

Срань Господня!!!

И как это я сам этого не заметил!!!

На полу чётко отпечатались следы. Но – не мужские или женские. А – ребёнка!

Крохотные такие отпечатки. Размером не больше, чем у пятилетнего. И много их: покрывают всю поверхность коридорчика у прохода. И ведут – и туда, и сюда!

Чешу репу.

Колян же не молчит:

– Смотри, Череп! Какой-то пацан тут постоянно ходит! Не иначе – дух малышки Леонида! Ну, помнишь? Того, который умер от холеры в пятилетнем возрасте?!

– Чушь! Дух-то точно – следов не оставил бы! Бесплотный же! Но... Погоди-ка. Если тут и правда кто-то постоянно ходит, значит, есть для него в этом смысл! Или он живёт тут... Или уж – прячет что-то ценное! Вот только – что. А что? Место отличное! Спрячешь под теми, – киваю в сторону баррикады, – дровами что-то – ...рен найдёшь! И вот эта мысль меня очень даже...

Греет!

– А меня напрягает другая мысль. Раз следы ведут и туда и сюда, значит там, – Колян машет рукой в конец коридорчика, – должен быть выход!

– Хм... А логично, как говорит наш ветеринар. Ты молодец. Вот и пойдём-ка мы туда. Попробуем найти этот самый выход! Может, так будет и проще выбираться наружу!

Раз это делают даже дети.

Поход много времени не занял. Буквально через три минуты по изогнутому, но не сильно, как оказалось, коридору, притопали мы к вертикальному лазу: только-только пройти! И лаз был даже облицован – чем-то вроде пластмассы. Этакая гофрированная серая труба, с метр в диаметре... Ну, и по дну идут ступеньки. Тоже пластиковые. А упирается торец трубы во что-то вроде люка.

Говорить особенно нечего, вот и лезу первым, и через десять метров подъёма откидываю этот самый люк.

Ну вот вам и здрасьте!

Если это – овраг за домом деда Щукаря, как мы называем деда Павла Петровича Шелестова за глаза, поскольку он вредный, то я – марсианин. А похоже на то!

Потому что солнце тут ярко-голубое, аж глаза щиплет, а небо – фиолетово-синее. И не заметить такого странного факта может только крот. Тем не менее, выбираюсь из колодца, и говорю:

– Колян. Вылезай-ка на солнышко. Полюбуйся окрестностями!

Ну, Колян удивление выражает традиционно: с помощью великого могучего, посконно-исконного. Мата, проще говоря. Трёхэтажного. Ну а я предпочитаю снова больше помалкивать, просто осматривая эти самые окрестности.

Очень всё похоже на военную базу. Расположенную в пустынной холмистой степи, где и трава-то выгорела до состояния бесцветности – а, похоже, была когда-то синей. База, к нашему счастью, явно заброшена. И давно. Нет, правда: база примерно в таком же состоянии, как наши руины, оставшиеся там, позади. Полусгнившие здоровущие ангары с провалившимися крышами и завалившимися стенами, ржавые баки какие-то, или, может, это бочки. Были. Ящики – в примерно такие у нас укладывают снаряды: знаю, сталкивался, пока служил... А ещё поблизости огромный бетонный водоём. Бывший – сейчас, понятное дело, пустой, и песка в него намело – почти по бортики. Значит, точно – военная база, плюс склады боеприпасов: иначе зачем им пожарный водо-

ём?

На когда-то бетонной же взлётной полосе громоздятся полурассыпавшиеся конструкции, очень похожие на вертушки. И кукурузники. Да и вообще – обломков повсюду валяется – море. А, нет: не только обломков. Позади нашего люка, который оказался в чём-то вроде выходного сарайчика, торчит на солнце один танк. Нет, не такой, как у наших, но очень похож: тут и гусеницы, и могучий корпус, и даже башня. С пушкой.

Тут обнаруживаю я, что дверца-люк встроенный замок под вполне обычный ключ имеет, зато не имеет рукоятки для открывания снаружи. И этот факт сразу настораживает: захлопнется на защёлку – не попадём ведь обратно!!!

Пришлось распахнуть её настежь, да подпереть неначатой баклажкой с водой. А потом – и булыжником, что нашёлся поблизости. Говорю:

– Колян. Кто бы здесь не жил, сейчас вымер. И похоже, мы в другом Мире. А прошли мы сюда, как учёные это называют, через Врата. Ну, как в фильме «Звёздные врата».

– Спорить не буду. Потому что не слепой. – Колян щурится, похоже, яркое синее солнце слепит его, – И чего...Мы... Теперь делать-то будем?!

Колян и задыхается – а верно: воздух тут куда разреженней нашего! – и трясётся, как в лихоманке. Но, похоже, боится теперь вовсе не так сильно, как в начале. Привык?

– Чего-чего... А того самого, чего собирались с самого

начала!

– То есть?..

– То есть – хапнем, чего потенциально продаваемого найдём, да – свалим к такой-то матери! А там, дома, постараемся пробитый проход хоть как-то замуровать! И замаскировать. Вдруг повезёт – ещё сюда наведаться?!

– Мысль понятна. – смотрю, схлынуло окончательно с моего Коляна, и при мысли о том, что обнаружили мы, возможно, ещё один, теперь уж – капитальный, источник выгоды, у него, как и у меня, чешутся руки, и слюна скапливается. От предвкушения!

Потому что логическая цепочка очень даже короткая: найдём, что продать – продадим! И купим того, что полагается закусывать нашими бутербродами!

Осталось только найти.

– Согласен! – Колян залезает на покатую, начинающуюся прямо от земли крышу нашего сарайчика, уж больно похожего на самый обычный дачный туалет, и осматривается: зрение у него получше моего, подсевшего от работы с бумажками, – Сейчас осмотрюсь!

– Ну и что там? – спрашиваю спустя минуту, а то напарничек, приложивший ладонь козырьком ко лбу, молчит что-то уж слишком долго.

– Похоже, мы и правда, на заброшенной военной базе. Заброшенной в натуре давно: вижу примерно в километре сгнившую ограду, из ржавой колючки, и будку охраны у че-

го-то вроде ворот. А вообще, похоже, здесь случилась-таки ядерная война. Ни единой живой души в радиусе десяти кмэ нету. Наверное, все умерли.

– Ну, все, не все – не забывай. Кто-то это место посещает. Следы были вполне свежие – не больше нескольких дней. Ну, может, недель.

– Ага. Только получается, что вряд ли приходили – дети. Может, это те, кто здесь жил, и сидит, отсиживаясь в каких-нибудь бункерах, так выглядит. Ростом – с ребёнка.

– Похоже, ты прав, – не торопясь залезаю к Коляну наверх, и тоже оглядываюсь. Ну и зрение у него: я никакой изгороди из колючки не вижу, а столбики и будка – вот они! – Но если так, так нам тут тоже засиживаться особенно долго не нужно. Вдруг здесь ещё сохраняется радиация? Или ещё какая хрень, типа бактерий-вирусов?

– Может быть. Тогда... Надо решить. С чего начнём?

– А чего тут решать – с того, что попроще. И – в непосредственной близости. С танка.

– Отличная идея. Ну что, пошли?

Идти до танка – метров пятьдесят. Трава тут, как уже говорил, жёсткая, но к счастью, сквозь бетон и асфальт ещё не везде пробилась. Вот и идём по островкам твёрдой поверхности, стараясь на травку не наступать: выглядит потому что колючей.

Ну что сказать про танк: массивный, монументальный.

Вот только гусеницы подвели: обвалились напрочь с катков. И это хорошо. Потому что наступая на катки и их оси, мы легко залезаем наверх, на десятиметровый в длину корпус, и затем – на башню.

Люк открыт, внизу темно. Направляю туда свой импровизированный фонарик: оказывается, я так удивился увиденному, что напрочь забыл, что его надо выключить!

Горло у меня перехватывает, и я застываю, словно свинячий студень. Колян, похоже, впечатлился с моего изменившегося лица, потому что спрашивает:

– Что там?

Много не мудрю, а отвечаю конкретно:

– Скелеты. Три штуки. Похожи на детские.

– Ну-ка, пусти!

Теперь Колян, чуть не силой выхватив у меня фонарь, нависает над люком. Слышу, как надрывно он дышит: а есть от чего! Три скелета, распростёртые на днище машины, явно умерли в страшных мучениях: они словно изломаны, и застыли в позах страдальцев! Словно смерть застала их в момент судорог!

– Чёрт! Вот бедняги... И танк, вроде, цел... Значит точно – или бациллы, или уж отравляющие газы! Череп! Мы же не полезем внутрь – к чему тревожить упокоившихся... – он, наверное, хотел добавить «с миром», но тут явно было не до «мира».

Говорю:

– Мы их тревожить и не собираемся. Нам нужны приборы. Или механизмы. Или хотя бы снаряды – если гильзы медные. Не забывай: медь! Она сейчас в цене!

Это сразу вводит напарничка в привычное русло:

– Ага. Хорошо бы. Но как мы...

– А ты просто не наступай на скелеты: места там внутри – навалом!

И действительно: внутри просторно. Когда спустились по стальному трапу-лесенке, легко удалось избежать соприкосновения с телами. Вернее, с тем, что от них осталось: плоть вся сгнила, и остались только кости, обтянутые униформой. Похоже, чёрного когда-то цвета. Ну, или это из-за голубого солнца она таковой кажется.

Колян направился в корму, за перегородку-переборку – внутри танк кажется большим – а я – в нос.

В укладке под ногами, явно за передней толстенной бронеплитой – действительно снаряды. А вот и механизм заряжания, если я что-то в этом понимаю. И гильзы действительно – медные. Уж её-то, родимую, ни с чем не спутаешь!

– Колян! Что там у тебя? – в замкнутом гулком пространстве мой голос звучит весьма зловеще, аж сам подивился. Но Колян не испугался:

– Движок мощный. Похож на самый обычный дизель. Вёобразный. Восьмицилиндровый. Такие у нас на Камазах стоят. На вид в нём лошадей тысячи полторы.

– Отлично. А у меня кое-что поинтересней. Если выта-

щим наружу все эти снаряды, гильзы на свету поснимаем за-просто. Они точно – медные! А, погоди-ка! – обнаруживаю вообще великолепную вещь, – Я нашёл контейнер со *стрелянными* гильзами! Их тут... Три, четыре... Десять! И в каждой – килограмма четыре! – я озаботился приподнять одну из них. Точно! По самым пессимистичным раскладкам нам этой меди теперь хватит... пузырей на пять!!! Ур-ра!

Колян торопится подойти. Смотрит. На лице расплывается довольная улыбка:

– Ну надо же! Раскудрить твою через коромысло! Погодь-ка, Череп. – тут его оптимизм словно рукой сняло, – Ведь это – *гильзы*! Стратегический, так сказать, материал! Его-то со столбов – не скрутишь! А ну как нас за него – привлекут?!

Чешу репу. Такая мысль мне ещё не приходила. С другой стороны...

– Нам же не обязательно сдавать их – вот в таком виде. У меня дома есть ножовка. Отпилим вот так, – показываю пальцем, а потом пропилим вот так! Распрявим в лист. И получится не гильза, а – просто кусок листовой меди! А их сдавать не запрещается! А с торцами... Потом придумаем, что делать!

– Ну так это же надо – пилить!

– Ну и что? Медь – мягкая. Ножовка – стальная. Предлагаю: возьмём каждый – по две, да спрячем пока у тебя в сарайчике! А уж распилим – завтра с утра с утра!

– Э-э, Череп! Так это получится, что сегодня мы – никак не успеем?!

– С гильзами – да. А давай пока пошарим здесь ещё. Вдруг чего найдём...

Быстрореализуемого!

Следуя этой немудрёной мысли, обшарили мы всё внутреннее пространство танка. Приборы, механизмы, трубопроводы, прочее оборудование, и вообще – вся внутренняя начинка, и стиль, если его так можно назвать, проектирования, напомнили мне самые первые наши танки. Ну, типа КВ. Или – ИС. Примитивные, без всяких там приборов лазерного наведения, радаров, тепловизоров, защитных систем типа «Арена», или активной защиты в виде ящичков с зарядом взрывчатки снаружи. То есть – технологический уровень где-то соответствует пятидесятым годам прошлого века.

Вот и славно. Не любим мы потому что сложного оборудования. Его – точно не продашь. А продашь – так наверняка не избежать вопросов от деловых, вежливых, но очень въедливых людей в хороших костюмах, из нашего СНБ: «Где взяли? Почему сразу не доложили в соответствующие органы? Вы понимали, что создаёте угрозу безопасности страны?» И так далее. Не-ет, медь – куда проще и безопасней!

Но однако сняли мы, с помощью разводного ключа из рюкзака, три трубопровода: я сразу определил, что и они из чего-то вроде латуни. И весят килограмм по пять!

Отлично!

Для одного захода улов более чем. Можно возвращаться.

– Давай, наверное, мудрить не будем, Колян. – ташу на плечах до нашего сарайчика с «вратами» трубопроводы на плече, покряхтываю. Колян идёт сзади, тащит под мышками и в руках гильзы! А каждая диаметром под двести мэмэ, – Трубы – супер! Про них-то ничего и никому объяснять не надо!

– Точно. Только, может, мы как-нибудь... Изогнём их? И кувалдой – поплющим? Чтоб уж точно – не подумали, что мы их откуда-то с какого-то агрегата не свинтили?

– Отличная идея. Только давай уж вначале дотащим всё это добро до твоего сарая.

Ну, спустили наше добытое добро не без проблем. Трубы всё по стенам наклонной трубы чиркали. И гильза одна у Коляна вырвалась – уж так по ступенькам громыхала!.. Но никто не появился. Наконец спустили. И по коридорчику протащили легко.

Но вот дальше...

За поворотом узкого прохода обнаружилась странная вещь.

Исчезла наша баррикада! И, соответственно, лаз за ней!!!

Колян гильзы уронил на пол: они снова загромыхали. Я свои трубы спустил аккуратней. Но сердце словно сжала волосатая ледяная лапа: попали!

– Череп! – вот теперь напарник реально испуган, а не при-
дуряется, – Похоже, приехали мы! Или... Это не тот коридор?! Или кто-то тут поработал?!

– Возможно. – сам в это не слишком верю. За такое короткое время ликвидировать бесследно огромную кучу ...овна нереально! – Но проверить можно только одним способом. Пошли-ка.

Идём в торец коридора, дышим тяжело – в гору, всё-таки.

Но вот он и торец. И не видно ни единого следа от нашей баррикады. А вот пылюки – сколько угодно. Но следов в ней при самом пристальном изучении не находится.

– Так. Ладно. Похоже, Врата сработали и при обратном ходе. И забросило нас в какой-то ещё Мир. Только вот как мы в него попадём, если кувалду там, у нас, оставили?!

– Слышь, Череп? Там же наверняка – не *наш* Мир?! Может, нам и не надо *туда* попадать?! А то... Можем и не вернуться! Вообще!

Выражаю свою глубочайшую степень озабоченности и сомнения традиционно. Череп не может удержаться:

– Чего ты там всё время чешешь? Скоро плешь будет! Или вши завелись?!

По раздражению в его голосе понимаю, что дело не только в том, что мы с утра не «полечились». Собственно, я и сам такой – воспринимаю всё это дело, как свинство, мешающее нам добраться до пункта сбора цветмета. И получить вожде-
ленную наличность!

То есть – ни фига мы тогда реально не поняли. А то бы, может, и не пробовали.

Того, что начали пробовать. Решив, что ситуация «под контролем». Вот только... Обнаружили, что даже время точно не знаем: вырубилась потому что оба наши старинных мобильника: чёрные экраны! Похоже, это Врата так на них повлияли.

Говорю:

– ...рен с ним. Может, ты и прав, и нам в *этом* Мире делать нечего. Тем более, что и попасть трудно. Разве что гильзами да трубами по стенке полупить. Давай-ка вернёмся. Может, пока будем переходить через Врата, попадём снова в наш Мир.

Ну, пошли мы действительно – назад. Оставив все наши добытые причиндалы прямо на полу большого тоннеля.

Вылезает по пластиковой трубе наружу. А там – ночь!

Свечу я нашим крохотным фонариком в неё, и вижу какой-то дремучий лес. И в его глубине светятся огоньки. Не иначе – глаза! А то с чего бы им быть сблокированным попарно, и перемещаться – примерно в метре от поверхности, сплошь усыпанной старой хвоей! Колян засопел. Потом захрипел (С удивления, ясен пень!):

– Череп! Они – живые! А вдруг это – волки?!

Я и сам начинаю думать, что хорошего нам от этих глаз и их обладателей ждать не приходится: уж больно плотоядное рыкание, да ворчание от них слышно!

– Ну-ка, давай ползи быстро назад и вниз! Я крышку захлопну! И – за тобой!

Крышку я едва успел захлопнуть перед самым носом зверюги, оказавшейся в луче моего фонаря: уж больно шустро она прискакала!

Ну, что сказать: если и было когда у нас, в нашем Мире, чудище под названием волк-оборотень, то именно так эта тварь и должна выглядеть!!!

Хорошо хоть, снаружи на нашей крышке-люке нет рукоятки! Но сотрясается она под напором набежавших тел – огого! А молодцы инопланетяне. Или кто бы эту штуку не построил. Держится потому что!

Быстро спускаюсь вниз, к Колян. Тот трясётся, и подвышает:

– Череп! Кто это был? Ты... Видел?!

– Видел, видел... Хорошо, что *ты* не видел! А то бы точно со страху в штаны наложил! Ты же у нас любитель фильмов-ужасов? Ну вот и представь волка-оборотня, с чудовищными зубами и клыками, да грудной клеткой размером с бочку!

Колян обхватывает себя руками – теперь-то ему понятно, в какую ...опу мы попали! Это, собственно, понятно и мне. Но что же теперь делать-то?!

– Так. Ладно. Не будем паниковать, и обсудим ситуацию трезво. Фонаря у нас хватит ещё максимум на пару суток. А твоего китайского – на пару часов. Так что решать надо

быстро.

– А чего тут решать?! Надо как-то попасть в *наш* Мир!
Только вот – как?

– Ну, я уже кое-что придумал. Вот: смотри. Врата эти, которые засылают нас в разные Миры, явно расположены где-то здесь же, в коридорах. Или – конкретней – в маленьком, изгибающемся, коридоре. Вот и давай будем ходить по нему туда-сюда, до тех пор, пока снова не увидим нашу любимую баррикаду с дырой за ней!

– Хм-м... Звучит, вроде, логично. Но... Ты и правда думаешь, что набор этих самых Миров... Ограничен?

– Думаю, да. – на самом-то деле я думаю как раз по-другому. Но нельзя же лишать напарничка последней надежды?! – Дело, скорее всего, только в числе. Но нам, как я уже говорил – расслаживаться да рефлексировать некогда! Мы ограничены светом. И водой. – показываю вынутую из рюкзака баклажку, – Полтора литра! А сейчас будет и меньше!

Откупориваю крышечку, и делаю пару экономных глоточков. Передаю.

– На. Только – по чуть-чуть. А то просто в пот уйдёт. И – экономь.

Колян так и делает. После чего баклажку прячу, и начинаем наш «марафон».

А долго мы «путешествовали» туда-сюда по изогнутому коридорчику, правда, не давая себе труда вылезать каждый

раз наверх – натерпелись потому что! (См. рассказ «Вы не поверите».) А уж чудищ однажды встретили!.. Я так пугался только раз в жизни. Когда в армии на мой окоп надо мной наехал настоящий (Наш!) танк.

А мне тогда по вводной нужно было кинуть ему в задний торец гранату... Какой на ...й – кинуть! Коленки так стучали друг о друга – стоять не мог! Да и зубы!..

Так меня, дрожащего и заикающегося, в медсанбат и до-тащили.

Все наши, ясное дело, потом прикалывали...

Ну а сейчас работа у нас – не бей лежачего. Прошли до выходной трубы – вернулись. Посмотрели: нет баррикады. Значит – двинули на новый заход...

Примерно на пятьдесят пятый (Я быстро сбился со счёта! И отсчитывали теперь только приблизительно...) заход увидели мы что-то похожее на нашу баррикаду.

Но это оказалась не совсем она. А тоже – баррикада, но сложена, как оказалось, когда подошли ближе, из железок.

И чего тут только не было!

Правда, не нашего, земного. Ну, как описать...

Вот та штука, скажем, похожа на нашу стиральную машину. Только барабан – почему-то квадратный. И не крутится. А вот эта – осциллограф. Наверное. Потому что с маленьким круглым экранчиком, и кучей тумблеров-рукояток. А вот эта – словно старинный шкаф от компьютеров первого поколения: потому что видны даже бобины с широкой магнитной

лентой на огромных бобиных... Плюс с десятков «утюгов», и радиоприёмников, и пару сотен допотопных телевизоров: ну очень напоминавших старый КВН.

Колян говорит:

– А вот в этом мире, наверное, мы бы смогли жить. Смотри: технологический-то уровень – ниже нашего!

– Ну и что?

– А то. Что мы с нашими знаниями ходили бы здесь – королями! Взяли бы кучу патентов, да двинули вперёд местную науку! А бабла бы сгребли!..

Некоторое время я буквально остановиться не мог: ржал, согнувшись в три погибели! Потом говорю:

– Колян. Переоцениваешь себя. Ну-ка, скажи мне: как устроены полупроводники?

– Э-э... Они... Ну, это... Берём подложку из кремния. Впаиваем с одного конца эту... Как её... А в другой конец... Тьфу ты!

– Вот именно. А как ты собираешься изготовить «подложку из кремния»? Эх, напарничек... Ни ...рена мы местный технологический уровень никуда не двинем. Поскольку ленились учиться в своё время. А то сейчас бы, глядишь – да работали бы в каком-нибудь Сколково!

Теперь Колян чешет репу. Но я его не прикалываю. Говорю:

– Давай-ка двигать дальше. Не забывай: мы ограничены. Светом и водой.

Словом, ещё через где-то пятьдесят Миров нашли мы ещё кучу хламья. Уже куда более продвинутого!

И уж тут пришлось расстараться: набрали мы и плат из электронных приборов (Я знаю, что в них должно быть «вторичное» золото!), и разных гаджетов, типа мобильных, или портативных телевизоров, свёртываемых в трубочку, и т. д. и т. п. устройств.

К счастью, они все мало весили, и были небольшими по размеру и объёму: натолкали их в наш полупустой рюкзак. Бутерброды-то мы съели ещё где-то на сороковом Мире... Рюкзак несли по очереди – двадцать Миров я, двадцать – Колян.

И – о счастье!!! – на двести тридцать пятом (Примерно) Мире, увидали мы нашу баррикаду!

Кинулись, понятное дело, к ней как к родной!

И едва убедились, что там, за дырой – *наш* подвал, ломанули, словно лоси, очумевшие по весне!..

И уж так рады были, что попали домой, что даже не обратили поначалу внимания, на то, что здесь сейчас ночь! А что: ходили-бродили-то мы долго! А часов у нас – только те, что на мобильных! А они во Вратах отрубались!

И вот вылезаем мы из подвала усадьбы наружу. А прохладно. Если не сказать – холодно. А вообще, судя по листьям и траве, покрытой инеем, сейчас не август, а октябрь! Или даже ноябрь, хотя снега и нет...

Отправились мы побыстрее, почти бегом, чтоб не замёрзнуть, к сарайчику Коляна – до него было ближе. А темно – пришлось снова светить нашим «фирменным» – а то бы точно ноги попереломали в лесу...

Ну вот, когда спрятали рюкзак с добытым в его сарайчике, да попробовали попасть к себе, по домам, и обнаружили всю эту фигню! Ну, вернее, это я – обнаружил. Не знаю, чего нашёл Колян, вы же держите его отдельно, и пообщаться нам не дали: видать, пытаетесь расколоть и его, и поймать нас на противоречиях друг другу!

Ну а то, что в моём доме проживает совершенно незнакомая мне ба... Простите – женщина, для меня было – как гром с ясного неба! Как и то, что она тюкнет в какую-то «тревожную кнопку», и меня ровно через двадцать секунд заберёт патруль с летающего катера ОВД нашего района! Или как он там сейчас называется? Новочеркасский? Вот.

Нет, мы ни про какой «призыв» не слыхали. И вовсе не хотели «откосить». Мы отправились по Мирам восьмого августа две тысячи двадцать... ого года. А то, что на следующий день случился глобальный конфликт, и всех способных носить оружие призвали – в первый раз слышу! Но я рад. Что Россия выстояла. И даже наша деревня сохранилась. И теперь понятно, почему Глюк и Интерфейс не полезли вслед за нами в дыру...

А ещё я очень рад, что у вас есть прибор, который живую речь сразу преобразует в распечатанный текст, и что мне ни-

какие Протоколы подписывать не надо!

А, всё-таки надо?

Ну ладно, давайте.

Вот: с моих слов записано верно. Подтверждаю все свои показания собственноручной подписью. Какое сегодня число? А какого месяца и года?

Что?! Не может этого!... А, нет, может...

Чёрт с ним: так и напишу: седьмого октября две тысячи пятьдесят ...ого года.

Но всё равно: так глупо чувствовать себя девяностолетним старцем!..

А выпить чего-нибудь согревающего у вас не найдётся?

Всё-таки повод есть: вернулись мы с Колян-таки – домой!..

Последний Судья

Повесть.

Меня зовут Катерина.

Мама называет меня «котик» и «лапочка», а папа называет Кэт и солнышком. Но иногда папа тоже называет меня лапочкой и их единственной надеждой и опорой.

Мне семь лет, и я живу с мамой и папой в большом доме. А больше с нами никто не живёт, и мне бывает довольно скучно, когда мама и папа на работе, и я сижу одна в своей комнате. Потому что с куклами играть мне быстро надоедает, и с ними нельзя поговорить.

Тогда я стараюсь читать или слушать музыку. Флэшек с записями у меня много: есть и танцевальная весёлая музыка, и серьёзная – мама называет её «классическая». А читаю я энциклопедии, где есть много рисунков, и объясняется, как что устроено. А когда я хочу просто отдохнуть, листаю детские книжки.

Они очень старые, и буквально разваливаются на отдельные серо-жёлтые страницы. Читая их, я ничему не учусь, но папа говорит, что они очень полезны: он сам вырос на них. Они и правда, интересные и весёлые, и я уже знаю их почти наизусть – в них рассказывается про приключения мальчиков по имени Том Сойер и Гек Фин, и разных других детей, и нарисованы эти самые дети, и приключения, которые с ними случались.

Но так, чтобы я оставалась совсем одна, бывает очень редко. Только когда что-то совсем уж серьёзно ломается в наших механизмах, и папе нужна мамина помощь, чтоб починить их. Так что я очень рада, что мама научила меня читать. Ведь теперь у меня много друзей: книг. А вообще-то мы почти всегда с мамой дома, а папа уходит рано утром, и приходит поздно вечером. Иногда он приходит так поздно, что я уже сплю. В такие дни сказку на ночь мне рассказывает мама.

Мне нравится слушать, как она рассказывает, но

я больше люблю, когда рассказывает папа. Он очень просто объясняет то, что мне непонятно из энциклопедий. И о таких вещах, и ситуациях, которые описаны в наших книгах, а я их не совсем понимаю, ну, то есть, те, которые существовали или случались давно. Я хочу сказать, тогда, когда мы, люди, ещё жили не в доме, а там – снаружи. На поверхности.

Мама, когда я прошу её рассказать о тех временах, обычно становится печальной: я вижу, как в её глазах иногда даже появляются слёзы. И тогда я говорю то, что, как знаю, снова вернёт ей хорошее настроение: чтоб она лучше рассказала мне какую-нибудь сказку. Тогда она словно приободряется, и глаза её загораются деловитостью и интересом.

Сказки мама может рассказывать, как мне кажется, бесконечно. Потому что за все эти годы она ни разу не рассказала мне второй раз такую, которую я уже слышала бы. Правда, почти всегда в маминых сказках есть прекрасные принцессы и принцы, и говорится о том, как они любили друг друга, и преодолевали на пути друг к другу разные преграды. Злобные мачехи, гадкие некрасивые сёстры, или ведьмы, драконы, людоеды, эльфы, гномы, гоблины, и другие сказочные существа там, в маминых сказках, есть не всегда.

А вот принцы и принцессы – всегда.

И в конце они обязательно всех врагов побеждают. И женятся, или выходят замуж, рожают много детишек, и живут долго и счастливо. И потом обязательно умирают в один день. Я раньше не понимала, почему это хорошо – ну, то, что они умирают вместе. Но позже...

Впрочем, лучше я буду рассказывать по порядку, а то запутаюсь.

А вот когда рассказывает папа, он не говорит про принцев и принцесс. Он рассказывает, как жили другие люди, и они с мамой раньше. И я спрашиваю его о том, как тогда было – ну, когда мы все были счастливы, каждый день могли видеть, как восходит и садится солнышко, слушать, как ветер колышет листву на деревьях, и как там, в кроне деревьев, чирикают птички. Как пахнет свежескошенным сеном, дымом костра, и хвоей от сосен и елей, и какую густую и успокаивающую они дают тень. Как журчит горная речка по замшелым чёрным камням и упавшим старым стволам... А если лечь в бескрайнем поле пшеницы на спину, прямо на землю, можно почуять тепло и заботу, которые идут из этой земли, и из травы. И вокруг так тихо и спокойно, что слышно, как где-то, так высоко в голубом небе, что его и не видно, поёт жаворонок...

И дома городов и деревень все такие красивые –

разные-разные, и покрашены в весёлые цвета. А ещё рядом с людьми в этих домах живут их верные друзья, с которыми так хорошо играть: кошечки и собаки.

Собак я видела. Вернее, я видела их изображения на видео: папа показывал мне их в компьютере, у него там осталась какая-то старая матричная память с ними. Правда, он сказал, что это – запись одного эксперимента, и после него собачек не осталось. Они пожертвовали своими жизнями, чтоб помочь нам спастись.

Мне было так жалко этих симпатичных лохматых животных, что я два дня плакала, а мама тогда сказала папе, чтоб он не забивал ребёнку голову лишней информацией, а душу – ненужными сожалениями о том, что навсегда утрачено.

А папа тогда сказал, что мне нужно знать, чего нас лишили проклятые враги. Потому что единственное, что мне нужно сохранить в сердце – это как раз лютую ненависть к нашим врагам. Чтоб я могла в нужный момент нанести наш последний удар.

Тогда я была совсем маленькая, мне было всего четыре, и я мало что понимала о том, как всё устроено в нашем доме и том мире, что остался на поверхности, и для нас навсегда потерян. А то, что было со мной раньше, где-то до трёх лет, я и вообще не помню. Но сейчас я гораздо лучше понимаю, о чём они говорили,

и почему я должна жить с памятью о том, чего нас лишили враги.

И почему ненависть должна постоянно жить в моём сердце.

Понимать и осознавать это я начала после того, как папа сказал, что мне пора учиться. Это было год назад, на мой День Рождения. Мне тогда исполнилось шесть, и мама испекла маленький торт. Я задула шесть свечей, и папа сказал, что теперь я совсем взрослая, и им пора заняться моей учёбой.

Так и произошло на следующее утро после завтрака: мама усадила меня за стол в папином кабинете, и дала листок чистой бумаги и хорошо заточенный карандаш. Потом она достала большую красивую книгу. Она называлась азбука. Там внутри было много очень красивых картинок, и буквы. Буквы были написаны сначала отдельно, а потом – в каком-нибудь слове, которое начиналось с этой буквы. А слова сопровождали картинки – того предмета, или животного, которые означало слово под ними. А чтоб было интересней, и запоминалось лучше, слова ещё и входили в какой-нибудь весёлый стишок.

Некоторые предметы или животных я уже знала, потому что видала в доме, или у папы на работе, или в служебных помещениях, или на картинках в детских книгах. Другие, и таких было гораздо больше, оказа-

лись незнакомы. Но мама как могла рассказала мне про них, и что они делали, или для чего служили.

Но не сами эти картинки и слова, которые они показывали, были важны. Гораздо важней, как объяснила мама, были буквы, из которых слова состояли. Мама сказала, что раньше всех детей учили буквам по таким учебникам... После этого мама почему-то долго молчала, закрыв лицо руками, а я не смела спросить – я уже знала, когда мама бывает сильно расстроена. И что в такие моменты её лучше не трогать. Так мне объяснил папа. А я всегда стараюсь слушаться своего папу: тогда он называет меня послушной девочкой, лапочкой, и его солнышком, носит на руках, или катает на плечах. И гладит по голове.

Когда мама снова стала показывать мне картинки и называть буквы, я быстро запомнила, какие слова на какую букву начинаются. Потом мама сказала, что для первого урока пяти букв вполне достаточно, и мы стали писать эти буквы на листке, который она мне дала. Я вначале писала плохо, буквы получались корявыми и неправильными. Тогда мама сказала «Ой, как это я!..», и написала мне для образца, как они должны выглядеть. И я стала пытаться их повторить. Когда я написала целую строчку «эй», «би», «си» и «ди», мама сказала, что у меня очень хорошо получается. А вот «и» у меня получилось похуже, и мама ска-

зала, что это ничего, и со временем я набью руку. И попросила написать ещё строчку.

Я так и сделала, и мама сказала, что я молодец, только не надо высовывать язык и прикусывать его зубками. Я сказала, что это – от старания, и мама почему-то снова расплакалась, а я вскочила со стула, обежала стол, и прижалась к её боку. И мы плакали несколько минут вместе, хотя я и не знала, почему мы плачем.

Потом у нас был перерыв, и мы играли в прятки: хотя я не совсем понимаю, какой смысл маме прятаться, если она не помещается ни в одно из моих секретных мест, и я всегда её нахожу? Но когда мы во что-то играем, нам всегда весело.

А затем мама учила меня природоведению. Она сказала, что это наука о том, как всё на земле устроено. Вернее, как оно было устроено, и как должно снова стать потом – когда они с папой, или я, уничтожим врагов.

Я с того момента как себя помню, слышала, как мама и папа говорят про этих врагов, но долго не понимала – кто это, и что они сделали такого, что я должна их ненавидеть, а папа всегда говорил, что придёт время, и я узнаю...

Поэтому я просто покивала головой, и попросила рассказывать.

И мама стала рассказывать.

Она заранее приготовила две большие книги – как оказалось, с красивыми цветными картинками, и я впервые увидела, что такое тундра, тайга, море, пустыня, горы и реки.

Мама показывала и рассказывала, как они получились, и где находились, показывая на глобусе, который стоял на большой подставке тут же, в комнате. И мама объясняла, кто там жил: какие народы и их животные... А я смотрела, и вначале ничего не понимала: ведь то, что я видела в доме и снаружи его, совсем не напоминало ни лес, ни пустыню.

И тогда мама сказала, чтобы я просто запомнила, как всё выглядит, и поняла, что сама я вряд ли когда-нибудь это увижу. Я спросила почему, а мама снова закусила губы и отвернулась. Я подумала, что сейчас она снова заплачет, но мама сдержалась. Только молчала, хмурия брови и сопя.

Я как могла утешала её, но потом мама сказала, что на сегодня урок окончен, и что сейчас мы пойдём к папе в главную аппаратную, и он покажет мне, почему ничего этого – ну, того самого, из книжек! – я никогда не видела, и вряд ли увижу.

Папина аппаратная расположена на шестом Уровне. Я до этого никогда там не была, и очень обрадовалась, что теперь я уже такая большая, что мне можно

туда входить.

Аппаратная оказалась огромной комнатой, куда больше, чем даже наш зал. Но уж очень загромождённая. Почти всё её пространство занимали разные приборы и всякие механизмы, и столы с экранами, которые мерцали то цветными, то чёрными пятнами в полумраке – светильник на потолке еле-еле светился: только чтоб можно было пройти, не споткнувшись или не ударившись об аппараты.

Мама позвала:

– Сергей. Мы пришли.

Папа отозвался откуда-то снизу, и я только сейчас заметила открытый люк в полу с крышкой из ребристого железа, прямо в центре комнаты. Папин голос звучал глухо:

– Да, дорогая, сейчас иду. Я уже закончил.

Папа поднялся к нам по лестнице, закрыл люк и вытер руки, испачканные в смазке, о тряпку. Тряпку бросил на один из стульев. Я подошла и обняла папу за пояс – мне почему-то показалось, что так будет правильно.

Папа нежно прижал меня, и погладил по голове. Сказал:

– Ты уже большая, Кэт. Тебе шесть лет. Пора тебе наконец узнать, почему мы с мамой всё время говорим о врагах. Понять и увидеть, чего они нас лишили. И

узнать о том, что нам, или тебе, нужно будет сделать, чтобы отомстить им. Идём.

Мы прошли к центральному экрану, и папа включил что-то сбоку него, на большом пульте. На экране появилось изображение. Это оказался кусок пустыни – она выглядела в точности такой, как показывала мне мама на картинке в книге «Ландшафты»: необъятное море песка, покрытое словно застывшими волнами-барханами. И даже колючие кусты были такие же, как там, в книге. Только вот они почему-то были не зелёные, а ослепительно-белые.

Я подняла руку с указательным пальцем, собираясь спросить, но папа опередил мой вопрос:

– Они белые потому, что мёртвые. И их освещают наши прожектора. А прожектора я включил специально – чтоб ты увидела то, что там, над нами. Снаружи. На поверхности.

Я долго молчала, не зная, что сказать. Ведь получалось, что если бы папа не включил прожектора, я ничего бы не увидела. Снаружи, то есть – на поверхности, было бы темно: ну, точно так же, как в туалете, когда выходишь, и гасишь там свет... В остальных-то наших комнатах хоть какая-то подсветка есть всегда: чтоб не спотыкаться в темноте.

Папа тоже молчал, к нему подошла мама, и они обнялись друг друга, продолжая смотреть на экран, и папа

сжал руку мамы. Мама отвернулась от экрана, и снова опустила голову, и я увидела, как заходили желваки на её щеках. И тогда папа сказал:

– Мы тебе рассказывали, а сегодня мама и показывала тебе, как оно всё там, наверху, выглядело, пока... Пока на нас не напали враги.

Это они, враги, сделали так, что пропал весь свет. И снаружи теперь вечная Ночь. И мы ждём, пока они снова не снимут свой силовой Кокон, чтобы отомстить им. Взорвать их корабли. И всю нашу планету.

– А почему мы не можем взорвать их сейчас? – я уже предвидела ответ, но всё равно спросила – я знала, что папа хочет мне это объяснить.

– Мы не можем взорвать их сейчас потому, что не можем ни преодолеть, ни пробить тот Кокон, вернее, то поле, которое они установили вокруг нашей планеты. Там, в небе. Оно непроницаемо для излучений и ракет. Нет, не так: поле – односторонне проницаемо. Это только свет и тепло солнца перестали поступать к поверхности. А вот уходить от поверхности планеты тепло – может. И поэтому всё живое там, наверху, замёрзло.

Птицы, звери, трава, деревья, реки и моря. Даже насекомые, хотя некоторые из них жили даже в Антарктиде, подо льдами...

Когда Кокон захлопнулся, наши лучшие учёные пы-

тались разобраться, что это такое, и как нам пробиться сквозь него снова к солнцу. Или как уничтожить поле Кокона.

Но никто ничего так и не смог придумать или сделать.

И не только потому, что времени не хватило. Технологии врагов намного... э-э... превосходят наши. Ну, вернее, превосходили то, что было создано к моменту нападения.

Тогда учёные, строители, и военные и создали наше Убежище. Чтоб последние выжившие могли хотя бы отомстить!

– Папа... – я сглотнула, чтоб продолжить, потому что, как мне казалось, поняла, как тяжело папе и маме быть последними людьми из тех миллиардов, про которые мама мне рассказывала, – А почему? Почему там, на поверхности, никто не выжил?

– Это просто, малышка. Они все задохнулись. Потому что когда перестал поступать свет солнца – прекратился и фотосинтез. Ну, то есть, я хочу сказать, что водоросли в океане, и деревья на суше перестали вырабатывать – ну, проще говоря, делать, кислород. А те из живших на поверхности, кто не задохнулся, просто замёрзли.

– Но почему?!

– Ты сегодня начала изучать природоведение. И вот

тебе второй урок.

Свет и тепло к поверхности нашей Земли приносили солнечные лучи. Когда их не стало, температура, из-за того, что отсюда, с поверхности, тепло наружу уходить могло, и уходило, очень быстро опустилась до почти космической: снаружи сейчас минус сто шестьдесят по Цельсию. Я знаю – тебе пока это ни о чём не говорит, но когда мы с тобой через пару лет будем проходить химию и физику, я всё объясню. А пока просто знай: при такой температуре там, наверху, никто и ничто не может и не сможет жить. Даже океаны сейчас покрыты коркой льда толщиной в целых пятьдесят метров.

И даже когда Кокон уберут, и солнце снова сможет согреть поверхность, нужно будет ещё несколько тысяч лет, чтоб климат восстановился. До такого состояния, как было раньше.

– А как мы узнаем, что Кокон убрали?

– Очень просто, Котик. Этот большой Центральный экран, – папа указал рукой, – и без наших прожекторов снова станет показывать пустыню Мохаве, которая сейчас над нашими головами, на высоте пяти километров. – папа поднял руку теперь к потолку, – А мы сейчас живём за счёт того тепла, что сохраняется в глубинах земли, из-за близости к поверхности магмы. (Ну, про магму я тебе тоже расскажу позже. Или

мама расскажет: вы же уже закончили первый урок? Иначе не пришли бы ко мне?)

Здесь, в нашем Доме, всё работает на электричестве. Оно даёт и свет, и двигает все наши механизмы жизнеобеспечения. И остальные аппараты – позже расскажу, какие. А получаем мы его, то есть, электричество, с термопар – ну, это такие устройства, которые вырабатывают ток из-за разницы температур. Одни приёмники этих устройств находятся в шахтах под нами – поближе к магме, а другие – на поверхности, где сейчас очень холодно. Поэтому ток у нас будет всегда. Ведь даже на подводных лодках ресурс ядерных реакторов – всего восемьдесят лет. А мы живём в нашем Убежище уже сто пятьдесят.

– Папа! – меня словно раскалённой иглой ткнули в мозг, – Вы с мамой живёте уже сто пятьдесят лет?!

– Разумеется, нет, малыш, – у папы дёрнулась щека, и он быстро глянул на маму, – до нас здесь жили наши родители – то есть, те, кто родили нас. Твои дедушка и бабушка. А до них – их родители. То есть – прадедушка и прабабушка. А всего таких поколений в нашем Убежище сменилось семь.

И все они жили только с одной Целью.

Дождаться, пока Кокон снимут. И отомстить.

Спала я в ту ночь очень плохо. Всё ворочалась в тишине – вернее, не тишине. Её здесь, в Доме, нико-

гда не бывает: слышны равномерные вздохи системы подачи криогенной жидкости, гудение водяных и масляных насосов, шелест лопастей системы вентиляции, басовитый гул генератора, пощёлкивания термодатчиков каждой комнаты, и много-много других звуков, которые я научилась выделять из общего фона, и про которые папа объяснил мне, какие механизмы их производят.

Так что абсолютно тихо здесь, конечно, никогда не бывает. Но когда с детства слышишь всё это, как-то и не замечаешь его...

А тут я ловила себя на том, что начинаю чутко вслушиваться: нормально ли гудит генератор? Не замедляют ли вращение вентиляторы?! Не слишком ли жалобны всхлипы помпы?

Потому что теперь-то я отлично понимала: если что-нибудь из этих замечательных механизмов испортится, мы с мамой и папой можем просто... умереть! Ведь мы целиком зависим от того наследия, которое сто пятьдесят лет назад построили и разместили здесь безымянные инженеры и техники. Которые отлично понимали, что сами они умрут – в Убежище, как объяснил папа, могло прожить одновременно не более десяти человек.

И – не более ста двадцати лет.

Вот над этим я как раз и думала: почему нас – толь-

ко трое. И куда делись остальные семь положенных для Дежурной вахты человек?

Ответов получалось только два: или они умерли от какой-то болезни... Или сами покончили с собой.

Догадаться, что это могло быть сделано для того, чтоб оставшихся ресурсов, как их всегда называет папа, хватило подольше, мне было нетрудно.

Не помню, как я заснула, но просыпалась часто, и на подушке было мокро – от слёз. Я даже два раза переворачивала её.

Утром мы умывались и завтракали без папы: он уже ушёл в машинный зал, так как срочно что-то важное там должен был доделать. За завтраком, ещё до начала занятий, я спросила маму:

– Они все убили себя сами? Ну, те, кто жил здесь, в Доме, до нас?

Мама, как мне показалось, растерялась. Потом взглянула мне прямо в глаза:

– Знаешь что, лапочка моя, лучше я не буду тебе врать. Да, они убили себя сами. Это было добровольное решение наших праотцов и праматерей. Шесть человек, вытянувшие короткие спички... ушли из жизни. Это случилось пять поколений назад – ну, то есть, почти сто лет. Ты уже всё поняла сама: они так поступили, чтоб оставшиеся в живых четверо смогли прожить подольше. Потому что запасённых ресур-

сов пищи и кислорода хватило бы только на сто двадцать лет. Учёные не рассчитывали, что нам придётся ждать так долго... Да и никто не мог подумать, что придётся ждать так долго!

– А почему они не подумали об этом, и дали вам так мало ресурсов?

Мама снова долго молчала, глядя прямо мне в глаза. Сказала:

– Знаешь, для шестилетней девочки ты как-то... Слишком быстро начинаешь ухватывать самую суть наших проблем. А ведь я ещё не начала второй урок.

Доедай-ка. И пойдём.

Я всё расскажу тебе.

На втором уроке мама рассказывала мне, как устроено наше Убежище.

Наш Дом.

Она достала огромные листы чертежей, и показывала их мне. Но в чертежах мне было трудно разбираться, и я ничего не поняла. Я маме так и сказала, сдерживая слёзы – я знала, что ей будет неприятно, что она про себя подумает, что не может мне ничего толком объяснить. Она всегда говорит, что она – не папа, и не может просто и доходчиво объяснять технические детали.

Но потом мама придумала, как сделать.

Она включила запасной компьютер на столе, и вы-

вела на него схему. Я увидела, как передо мной медленно поворачивается всеми своими сторонами голубая очень сложная штуковина, напоминающая чем-то конструктор из лего – такой я собирала ещё когда мне было четыре. И теперь я сразу поняла, что было начерчено на чертежах: та же конструкция, но – поэтажно. То есть – каждый Уровень – просто был на листах начерчен отдельно! Я обрадовалась, и так маме и сказала, что теперь всё вижу и понимаю.

Мама вроде тоже обрадовалась, и стала показывать, и объяснять:

– Вот это – наш, жилой Уровень. – она провела кончиком карандаша по небольшой как бы прослойке где-то в середине штуковины. – Вот это – диспетчерская, или, как папа говорит, старая дежурка. А вот это – машинный. Ну, тот, где стоят все наши генераторы и преобразователи с аккумуляторами и прочими дающими и накапливающими электричество машинами. Большая комната рядом с ним – контрольная аппаратная. Там обычно и дежурит папа. (Ну, мы же как раз вчера у него были!) Под ней – криогенный зал, то есть тот, что отвечает за сохранность наших замороженных запасов кислорода... А вот это – изолированные помещения с резервуарами дьюара. Здесь и хранятся наши основные запасы кислорода.

Кислорода? Ну, воздуха. Которым мы дышим. Вот

Эти криогенные насосы всё время качают туда из теплообменника жидкий азот – чтоб тепло магмы не нагрело эти ёмкости. Иначе... Я лучше потом тебе объясню, что может случиться, если их не охлаждать... А вот это – аппараты поглощения углекислого газа в системе кондиционирования. Ну, про то, как мы дышим, и что поглощаем и выделяем, тебе лучше расскажет папа – когда будете проходить химию и биологию. Смотри дальше: вот это – баки с пресной водой. Вот здесь – рекуператор, очищающий наши... Э-э... сточные воды. А вот это – шахты.

С баллистическими ракетами.

– А почему они такие огромные, и почему их так много? – я с восторгом и одновременно с непонятным мне самой трепетом, разглядывала как бы пристроенные сбоку к лабиринту комплекса Убежища трубы, идущие куда-то вверх – шахты запуска, и их начинку: длинные цилиндры с острыми наконечниками: от них буквально веяло грозной силой и опасностью!

– Огромные они потому, что им нужно взорвать с гарантией все корабли наших врагов. А до врагов нужно ещё долететь. Почти девять десятых веса этих ракет дальнего действия – горючее. А вот эти, поменьше – уже для планеты. Здесь, в их боеголовках, собрано всё самое страшное и смертоносное, что смогла создать земная Наука. Эти ракеты должны сделать по-

верхность Земли абсолютно непригодной для любых форм жизни... – мама словно запнулась. Но продолжила, – А кто наши враги, как выглядят, и почему захотели оккупировать наш дом, мы, – ну, вернее, учёные! – так и не выяснили.

Однако мы предполагаем, что радиация, токсины, (Ну, яды!) и вирусы не позволят им жить здесь, кем бы они ни были! – я услышала звенящие ноты удовлетворения в голосе мамы, и увидела, как сжались её крохотные кулачки, сощурились в щёлочки глаза, и сквозь слёзы в них что-то заблестело – такое!.. Такое...

Ненависть?!

Если так, то мне придётся тоже... Впитать её. Проникнуться этим ощущением – своего Долга и той, как говорил папа, Чести, которую передали нам те, кто оставил всё это на нас. Последних обитателей Убежища.

Я навсегда запомнила, как однажды папа, когда думал, что я уже сплю, и он стоял над моей кроваткой, куда уложил меня, укачав на груди, шёпотом сказал подошедшей маме:

– У меня мозг плавится. Когда я думаю, что все наши усилия могут обернуться пшиком. Если эти твари промаринуют нас тут ещё пару десятилетий. Одна надежда – на нашу малышку. Что не позволит гнусным

выродкам избежать... Возмездия.

А мама тогда сказала:

– Мне так жалко тех, кто оставался там, на поверхности, без всякой надежды... Но и нас, тех, кого оставили здесь, залив пятиметровыми бетонными пробками, и засыпав щебнем входные шахты, мне тоже жалко.

Мы – словно камикадзе. Но не те, что на самолётах, а те, кого оставляли в дотах у горных дорог... И приковывали цепями к их пулемётам.

Наши отцы, прадеды и мы сами – просто принесены в жертву. И то, что мы продержались так долго, и ракеты ещё в боеготовности – заслуга только ненависти. Это она двигала инженерами и учёными. И теми нашими, кто выбрал смерть уже здесь, когда понял, что ста лет не хватает...

Бедняжка Котик. Она ещё не знает, что её ждёт.

– Она узнает. Мы ей расскажем, Ханна. И покажем.

Папа приобнял маму за плечи, и они ушли. А я заснула. Потому что тогда вообще не поняла, о чём они говорили. (Но подсознательно запомнила каждое слово: чувствовала, что то, что сказали мама и папа – очень важно...)

Зато теперь всё отлично понимаю.

Мама показала мне ещё много деталей нашего Дома – Убежища номер один, как оно официально на-

зывалось на тех чертежах, что она достала из шкафа вначале.

Я спросила:

– А что – было ещё Убежище два?

Мама кивнула:

– Да. И было ещё и третье. На всякий случай Убежища построили на трёх континентах. Но мы – ну, вернее, наши предки – потеряли связь с их обитателями ещё семьдесят два и сто девять лет назад. Там все погибли... – я не стала спрашивать, отчего, хотя и очень хотела узнать, а мама продолжила, – И мы – последние живые люди нашей планеты!

Я снова обежала стол, и прижалась к маминому тёпловому животу, но постаралась не плакать: я знала, что она от этого ещё больше расстроится. Поэтому я отодвинулась от мамы, вдохнула поглубже, и снова села на свой стул:

– Пожалуйста, мамочка, рассказывай дальше. Я хочу знать всё!

И мама стала рассказывать, иногда поглядывая на меня словно с испугом – так, словно видит в первый раз, или я сделала что-то такое, что она страшно удивлена...

Мама и папа давали мне ежедневные уроки целый год. И только раз в неделю – в воскресенье! – у меня был выходной.

Некоторые уроки я понимала и запоминала хорошо – например, через месяц я уже свободно и быстро могла вслух читать любую книгу из нашей библиотеки.

Но некоторые, особенно, про то, как всё было на поверхности планеты Земля, и как действовали законы природы, я не очень понимала. Папа сказал, что это – ничего. Потому что те, кто разовьётся на Земле после нас, создадут новую Науку сами. И ещё он сказал, что нам нужно больше внимания уделять не абстрактным сейчас «лету-зиме» и «муссонам-пассатам», а конкретным техническим проблемам и делам. Это он имел в виду, что мне придётся научиться следить за работой, и если понадобится – чинить, все наши механизмы. Ну, то есть – механизмы Убежища.

Я честно пыталась понять и сообразить, как и что работает из того, что мне помогал разбирать и снова собирать папа. (Вернее, это он разбирал и собирал на моих глазах все эти такие страшно сложные на вид агрегаты, а потом заставлял и меня разбирать и собирать их – так, чтоб всё работало, и было правильно соединено.) А ещё папа рассказывал, какие детали в этих механизмах и устройствах ломаются чаще всего, и показывал мне иногда эти детали – уже негодные, и те, что хранились на складе – запасные.

Но, конечно, ничего из этого технического оборудования и приборов я не запомнила так хорошо, как на-

ши с ним и мамой самые первые уроки – ну, когда они мне показали пустыню под чёрным небом... И иногда безжизненная поверхность пустыни Мохаве со ставшими почему-то огромными ослепительно пылающими белым светом кустами, вставала передо мной во сне. И тогда я в ужасе кричала, пыталась куда-то бежать от этого кошмара, хотя отлично понимала: бежать-то – некуда!.. Я – замурована. Я – в западне.

А руки и ноги словно отнялись, и не двигаются!

И я понимаю, что не успеваю нажать нужную кнопку!..

И я просыпалась.

Хотя, если честно, страшного в огромных кустах, по идее, нет ничего.

Но там, во сне, я почему-то знала, что пылающие кусты – очень страшный признак! Что надвигается какая-то чудовищная сила... Или – существа. Которые сделают что-то очень плохое с нашим домом! И которых могу убить только я!

И это от этого страха: от осознания того, что я, такая маленькая, слабая, и плохо все нужные машины знающая, не справлюсь, как мне кажется, я и просыпалась!..

Мама в такие ночи прибегала ко мне, и пыталась утешить, подбодрить. А папа теперь почти не спал с нами в доме: он говорил, что некоторые механизмы

совсем ветхие, и он должен постоянно нести вахту возле них: чтоб не было отказов. И ему нельзя пропустить тот важный момент, когда он сможет заменить какой-то там основной насос...

В те редкие дни, когда мама уходила в автозал дежурить вместо него, а он давал мне уроки, или рассказывал истории на ночь, я замечала, что круги под его глазами делаются всё больше, и становятся всё темнее. А сами глаза... В них страшно было смотреть – столько там было... Не знаю, как верно описать это чувство – непреклонности, что ли.

Теперь про все общеобразовательные предметы и разные науки мне рассказывала мама, а с папой мы занимались только техникой.

Мне было очень страшно, я чувствовала, что папе всё тяжелей, и что хрупкое равновесие, которое мы поддерживаем здесь, в Убежище, может оказаться в любой момент нарушено... И тогда мы все, скорее всего, умрём.

Но я пыталась папе этого не показывать, и старалась только лучше запоминать, что он мне объясняет. И выучить, как ликвидировать те поломки и проблемы с нашими механизмами, которые сейчас случаются чаще всего. Иногда мои пальчики, испачканные в смазке, и металлических опилках, отказывались прикручивать, или вставлять какие-нибудь детали – от

усталости, или дрожи от слабости. Или – потому, что я не могла сразу сообразить, какой стороной их вставить так, чтоб было правильно!

Но я не сдавалась, и, стиснув зубы, всё равно всё делала, что было надо – со второй, третьей, или десятой попытки. И папа тогда кивал с довольным видом, говоря, что я – их единственная надежда и опора, и что они в меня верят.

А ещё иногда целовал меня в лобик, и приговаривал, какая я у них умничка и лапочка, и как же я так хорошо понимаю и запоминаю, что он не нарадуется. А я сдерживалась в такие моменты изо всех сил, чтоб не разрыдаться, и не кусать губы от отчаяния – я понимала, что так нам долго не продержаться!

Никакие механизмы и аппараты, будь они хоть самыми лучшими и надёжными, не могут работать вечно!

Что настанет тот день, когда откажет или сломается что-то настолько важное, что мы все можем погибнуть...

И вот этот день настал.

Это случилось как раз в мой восьмой День Рождения.

Мама, несмотря на то, что накануне они с отцом всю ночь провели в машинном зале и ремонтной мастерской, всё равно испекла мне торт.

Торт оказался почти несладкий – кончался сахар! – но мы всё равно съели его весь. Ели мы его прямо в автозале, на одном из столов, с которого убрали монитор, и куда мама поставила блюдо с тортом, чайные чашки и ложки, и чайник. Чайная заварка у нас тоже заканчивалась, и та жиденькая жёлтая водичка, которая была сейчас налита в чашки, почти не отличалась по вкусу от обычной питьевой воды.

Папа сказал тогда, что воды-то хватит хоть ещё на пятьдесят лет. А мама сказала, что это ничего не значит: еды осталось лет на двадцать.

Папа, непривычно выглядевший в огромных резиновых сапогах, которые он зачем-то одел, дёрнул плечом. Но ничего не ответил.

Потом внизу, прямо под нашими ногами, что-то звонко сделало «БАМ-М-М!», пол задрожал, и что-то громко зашипело. Мне что-то ударило по ушам – я даже прижала их руками, так стало больно, и закричала: «А-а-а!»! А папа кинулся вниз сквозь открытый люк, даже не по ступенькам, а скользя руками прямо по перилам.

Внизу что-то громко булькало и гудело, и мама подбежала к люку, приказав мне оставаться на месте – у стола. Лицо у неё было такое белое, что я, как ни старалась сдерживаться, тихонько захныкала: я поняла, что всё – плохо!

Я слышала, как папа громко ругается, и стонет, как гремят по полу какие-то детали, которые он, наверное, заменяет... А затем папа закричал ещё громче, так отчаянно!..

И мама, глядящая на него через проём люка, вскрикнула, и теперь покраснела – так густо, что мне стало по-настоящему страшно. Я хотела кинуться к ним, чтоб как-то помочь, но мама снова велела мне оставаться на месте, что бы ни случилось. Голос у неё был таким, и посмотрела она так, что я поняла – я должна послушаться!

Мама, которая успела за это время надеть длинные сапоги, в которых папа обычно работал в аккумуляторной, и две пары которых лежали приготовленные прямо у люка, спустилась вниз.

Через некоторое время шипение и гул прекратились, и остались лишь обычные звуки криозала и машинного: бормотание работающих механизмов, и вздохи помп. Несмотря на то, что всё, вроде, пришло в норму, голова у меня сильно кружилась, и я почему-то ощущала себя необыкновенно сильной, и способной справиться с любыми поломками и проблемами!

И я подошла к люку, стискивая кулачки, и плотно сжав челюсти: я хотела помочь маме и папе, даже несмотря на их запрет!..

Внизу по полу стелилось и быстро уходило в дре-

нажные отверстия что-то вроде тумана: дымка, которой раньше я никогда не видела, а только слышала, когда мама рассказывала о туманах там, наверху. Мама в нелепо огромных сапогах и с универсальным ключом в руке, стояла, склонившись, над папой.

Папа лежал на полу на спине, раскинув руки в стороны, рот у него был широко открыт, а на одежде, усах и бороде лежало что-то белое – похожее на иней, или снег, который мне мама тоже показывала в книгах на картинках. И это белое быстро исчезало – словно таяло.

Но поразило меня не это.

У папы не было одной руки – она, как я увидела, оглядевшись, оказалась как бы припаяна к какому-то колесу на одном из клапанов, который, как я знала, относился к системе циркуляции криогенной жидкости: побелевшие пальцы цепко сжимали колесо-маховик этого вентиля. Но кровь, как ни странно, из обрубка не вытекала.

Я замерла на нижней ступеньке лестницы, и молчала долго, потому что не могла говорить или даже плакать: внутри меня словно всё застыло, и замерло от того, что я понимала: папа умер! И его не вернуть!

Мама сказала:

– Катерина! – это был первый в моей жизни случай, когда она назвала меня полным именем! – Одень вто-

рые сапоги и перчатки. Нам нужно перенести отца в медотсек.

Как мы несли ужасно холодное тело через три Уровня и два длинных коридора, я помню плохо. Потому что я всё время рыдала, а вытереть слёзы не могла – потому что держала папу за ноги, а мама несла негнущееся тело со стороны головы. Поэтому я и не видела почти ничего – ни дорогу, которой мы шли, ни папу, ни маму. Слёзы буквально душили меня, но с этим я ничего не могла поделать, хотя знала – сейчас нужно делать дело, а не предаваться, как говорил об этом папа, эмоциям!

В медотсеке мама приказала мне положить папу на приёмную платформу камеры. Я помогла ей взгромоздить ставшее почему-то словно тяжелей тело на белую холодную поверхность из пластика. Мама щёлкнула каким-то тумблером, и платформа с папой уехала внутрь бокса с прозрачной передней стенкой. Я смогла наконец протереть глаза от слёз. Теперь мне было видно то, что оказалось вокруг нас.

Замигал цветными огоньками и зажужжал какой-то аппарат внутри бокса. Над телом папы проехала белая штанга с массивным прибором с раструбом. Что-то лязгнуло. С потолка спустились суставчатые манипуляторы с гибкими прозрачными шлангами. На концах у них были иглы.

Эти иглы вошли в тело отца, я увидела, как по ним начала двигаться какая-то жидкость – красная, как кровь! Какие-то пластины спустились – тоже с потолка камеры! – и прижались к папиной груди. Затем что-то щёлкнуло, и тело папы выгнулось дугой. Я закричала. Но мама схватила меня за руку, и, сама не замечая, стиснула с такой силой, что я прикусила язык.

И я замолчала. Только смотрела.

Аппарат с раструбом проехал снова. Щёлкнуло ещё раз – тело папы выгнулось уже не так сильно. Мама всё это время искоса посматривала на экран какого-то монитора, где бежала, тоненько свистя, ровная красная линия. Когда щёлкало, на этой линии, как я заметила, появлялось что-то вроде бугра – всплеска, как на воде, когда я купалась в ванной...

После третьего щелчка гудение внутри стихло, трубки с иглами втянулись обратно в потолок камеры. Мама сказала:

– Запрос автодоктору. Результаты реанимационных действий.

Мягкий приятный женский голос, которого я до этого никогда не слышала, ответил:

– Результаты реанимационных действий отрицательные. Организм остался нефункционален в связи с катастрофическими необратимыми повреждениями внутренних органов и конечностей, и большой по-

терей крови.

Мама сглотнула, и сделала шаг назад. Спросила каким-то чужим голосом:

– Почему нефункциональны внутренние органы?

– Сильное переохлаждение вызвало замерзание этих органов. Повреждения, нанесённые печени и сердцу микрокристаллами льда, не поддаются устранению или лечению.

Я посмотрела на поверхность белого стола: под папой уже натекло чего-то красного. И я поняла, что это оттаявшая кровь. И что папы больше нет.

Мама повернулась ко мне. Я кинулась к ней, и снова обхватила её живот. Я не плакала – слёзы почему-то пропали. Но меня всю трясло: словно холод оттуда, из тела папы, заморозил и меня!..

Мама тоже не плакала: просто положила обе руки мне на плечи, и так мы стояли минуты две. Я впервые почувствовала, кто мы: две одинокие перепуганные женщины, замурованные в толще подzemелья, и которых вдруг лишили главной опоры в жизни.

Я чуть отстранилась. Подняла лицо и посмотрела маме в глаза. Сказала:

– Не бойся мама. Я смогу чинить наши аппараты, и всё сделаю, чтоб мы дождались.

Мама ничего не ответила тогда, но прижала меня к себе сильнее.

И я чувствовала, как потеплели её до этого ледяные пальцы...

На следующий день мы похоронили папу и его руку. Это оказалось просто: мы обе оделись в термокостюмы, и прошли через шлюз к шахтам термопар. Это был первый мой поход к этим шахтам – папа избегал пользоваться шлюзом, говоря, что его механизмы – самые ветхие и ненадёжные.

Тело отца и его руку мы сбросили в самую большую шахту-колодец. Оттуда так и тянуло жаром: чувствовалось, что и правда – до магмы недалеко! Да и над жерлом стояло настоящее марево из раскалённого воздуха: без костюмов, как сказала мама, мы бы изжарились и задохнулись за минуту.

Над пастью огромного колодца, куда уходили толстые чёрные кабели, мы постояли ещё две минуты: мама молилась. Я повторяла вместе с ней:

– «...да упокоится тело твоё с миром. Аминь!»

В автозале было непривычно тихо: после аварии, как сказала мама, половина аппаратов оказалась не нужна. А те механизмы, что отвечали за целостность ракет, в обслуживании почти не нуждались. В обслуживании нуждались только мы – те, кто должны были, как объяснила мама, нажать на кнопку. Это нам нужны кислород, пища, вода. Свет и тепло.

Мама сказала:

– Катерина. Нам нужно поговорить.

Я сказала:

– Я готова.

Мама почему-то всё равно помедлила, и когда начала говорить, в глаза мне не смотрела:

– Малышка. Ты теперь взрослая. И ты понимаешь, что такое – потеря. Только что мы потеряли твоего отца и моего мужа. Он пожертвовал своей жизнью, чтоб исправить тот дефект... Нет, не так: он смог наконец заменить испорченный крионасос на резервный – исправный. Но при этом лишился руки, и замёрз. На смерть. Но своей смертью он дал нам возможность жить дальше.

Только...

Только утечка жидкого кислорода оказалась слишком сильной – даже несмотря на то, что папа всё устроил так, что большую часть жидкого кислорода из системы дренажа удалось откачать обратно в дьюары. Боюсь, запасов воздуха нам двоим теперь хватит ненадолго. Центральный компьютер рассчитал, что взрослому и ребёнку – на семь лет.

Мама снова помолчала. И я видела, что ей стоит огромных усилий не кусать, как она обычно делала, губы: её щёки предательски дёргались и уголки рта дрожали.

Но голос, когда она снова заговорила, звучал спо-

койно и сдержанно:

– Поэтому мне придётся оставить всё наше хозяйство и миссию Возмездия – на тебя. Нет-нет, не возражай – я уже всё решила. Теперь, когда папа сделал всё, что нужно, здесь, в криозале, тебе остались лишь самые простые аппараты, с которыми ты уже умеешь обращаться. Папа заранее всё продумал. Он ждал прорыва – без этого заменить помпу было невозможно из-за сильного давления и... Неважно.

Жаль только, он не успел одеть костюм. Но...

Если б он одевал его, мы лишились бы и последнего кислорода.

Я молчала и даже не подумала возразить – у меня в голове ещё не укладывалась мысль о том, что теперь я лишусь и мамы...

Неправильно как-то всё это!.. Дико!

Мама приняла моё молчание за знак согласия:

– Ну вот и хорошо, что ты всё понимаешь. Я боялась, что не смогу найти правильные слова, чтоб объяснить, почему ты должна остаться одна. Сделай всё как нужно – хотя бы в память об отце. И... обо мне.

Что было дальше, я не помню, потому что кто-то невидимый так сжал ледяной рукой моё маленькое сердечко, что свет вокруг померк, в ушах зазвенело, и стены стали словно сдвигаться и давить на моё тело! И я вдруг увидела, что к моему лицу стремительно

несутся ребристые пластины пола...

Очнулась я у себя в постели.

Мамы нигде не было, но на столе я увидела записку.

Я встала и подошла.

«Катерина! Ты уже большая и умеешь почти всё, что знаем («знаем» было зачёркнуто, и написано было – «знали») и мы с отцом. Поэтому я не сомневаюсь, что ты сможешь теперь справиться с теми проблемами, что могут возникнуть с механизмами жизнеобеспечения. Если же у тебя возникнут какие-либо вопросы, задавай их Агате – нашему главному компьютеру. Я вывела её на голосовой режим: тебе нужно только подойти к её центральной панели и спросить. Меня пожалуйста прости – я не нашла в себе мужества попрощаться с тобой так, как положено.

Прошу только об одном: подожди столько, сколько позволят запасы.

После этого в любом случае нажми большую красную кнопку на Центральном пульте. Она включит и запуск ракет из остальных, уже необитаемых, Убежищ, потому что их обитатели успели передать нам – вернее, Агате – свои коды запуска.

Помни только одно: ты – последняя наша надежда.

И это тебе предстоит отомстить за нас.

Всех.»

Я не плакала, даже перечтя письмо три раза. Поло-

жила его обратно на стол. Пошла в автозал.

Центральный компьютер.

Вот не знала, что он считается существом женского пола. Я встала перед панелью:

– Агата!

Мягкий приятный голос, тот же, что сообщил о «необратимых повреждениях» отца, отозвался откуда-то сверху:

– Я слушаю тебя, Катерина.

– Почему мы не можем оставить эту миссию – я имею в виду нажатие большой красной кнопки, – я указала на неё рукой, – тебе?

– Потому что я так спроектирована. Я не имею права сама уничтожать что бы то ни было. Таков основной Закон Робототехники. Приказ об уничтожении – что разумных существ, что материальных ценностей, или экологии планеты – должен отдать человек.

– А если я сейчас велю тебе нажать эту кнопку тогда, когда меня тоже не станет, ты нажмёшь, когда... меня не станет?

– Нет. И не потому, что у меня нет исполнительных манипуляторов, – что-то лязгнуло, и сверху спустились три мощных манипулятора, и снова убрались в свои ниши за фальш-паннелями, – а потому, что сделать это должен человек.

Это должно быть осознанное решение человека.

Так меня запрограммировали.

– И я... Не могу отменить этот приказ, или... перепрограммировать тебя?

– Нет, Катерина. Отменить приказ Высшего Уровня нельзя. А перепрограммировать... Никто не может этого сделать, не выключив меня.

– А если... выключить тебя?

– Если выключить меня, разумеется, сотрётся вся вложенная в меня память, и все мои программы. Но потом ты не сможешь всё, что нужно для моего функционирования, в меня снова загрузить – утрачены промежуточные носители, с которых производилась первичная загрузка. Я тогда не смогу ничем здесь управлять. В том числе и механизмами запуска и указанием целей ракетам.

Я помолчала, обдумывая.

Агата – машина. Компьютер. И вряд ли она дурит мне голову, пытаюсь отговорить от её выключения. Компьютеры ведь не могут бояться за свою жизнь, или обманывать... Кроме того, если б можно было оставить её дежурить до снятия Кокона самостоятельно, это давно сделал бы папа. Или те люди, что жили здесь до нас. Или – погибли в остальных Убежищах.

Значит, и правда – придётся оставить всё, как есть.

Ладно.

Теперь мне остаётся только ждать.

Ждать оказалось ужасно.

В-смысле – ужасно тоскливо и одиноко.

После обеда я решила кое-что предпринять, а не сидеть, тупо уставившись в черноту главного экрана. Потому что от такого, как говорил папа, начинает плавиться мозг.

– Агата.

– Да, Катерина?

– Включи везде полный свет.

– Сделано, Катерина.

Обходила свои «владения» я часа три. И не только потому, что помещений в Убежище много, и они достаточно большие. Нет: теперь осознание того, что всё это – моё, и только от меня зависит, чтоб было исполнено то, что завещали мне мама и папа, да и все те поколение, что были здесь до них, заставляло взглянуть на всё здесь...

По-другому.

Буквально на каждом шагу я останавливалась, и надолго замирала, облокотившись о косяк, или прислонившись к стене, потому что многие места вызывали в памяти обрывки воспоминаний и невольные ассоциации...

В бойлерной мне вспомнилось, как однажды папа пытался открутить какой-то старый, заклинившийся

из-за застывшей смазки вентиль, и так вспотел, что зелёная футболка стала мокрой на спине и под мышками. И всё равно с металлическим колесом он не справился.

И мне пришлось помочь ему: я обстукивала непослушный вентиль со всех сторон кувалдой, которую еле удерживала в своих тоненьких ручках, а папа упирался в трубу водовода ногами, и тянул, тянул здоровенный рычаг-лом... А мама сидела в аппаратной, следила за десятком приборов, и всё время с дрожью в голосе спрашивала, спрашивала – когда? А то давление всё падает и падает...

Вентиль мы тогда отвинтили.

В мастерской папа, конечно, бывал куда чаще – я помню его и у токарного станка, и у верстака, где он что-то пилил и обрабатывал напильником в тисках. Теперь, при полном свете ламп, что сейчас сверкали на потолке, оказалось, что стены до половины покрашены не чёрной краской, как я раньше думала, а тёмно-зелёной... А в котельной – синей.

В оранжерее я задержалась надолго. И не потому, что любовалась на иссохшие пеньки погибших томатов и картофеля – чем тут любоваться?! Просто мне вспомнилось, как мама упрямо и тщательно пыталась вывести рассаду из имевшихся у нас семян, а они, «поганцы такие», прорастать-то прорастали, но когда их

высаживали в грунт огромного бетонного «бассейна», как мама его называла, упорно скукоживались, и умирали...

Папа тогда сказал, что, похоже, грунт окончательно испорчен теми парами и излучениями, что пробиваются от магмы... Или расплодившимися нематодами.

А мама сказала, что до неё док Расмуссен пробо-вал вырастить хоть что-то в верхней галерее, в горшках, и результат был точно таким же – дело не в парах или излучении. Скорее всего, эта почва себя полностью исчерпала: закончились, вероятно, микроэлементы, и накопились канцерогены. И получить картофель для борьбы с цингой теперь невозможно. А папа сказал, что у них достаточно и таблеточных витаминов от цинги. А мама сказала...

Словом, теплица маму не порадовала. Да и меня тоже.

В медотсек я не смогла себя заставить зайти. Просто постояла перед его дверью, иногда смахивая текущие по носу слёзы.

Не смогла я зайти и в шлюз, ведущий к шахтам термомпар. Да и что бы я там делала?! Заглядывала в пышущую жаром шахту, и кричала туда: «Мамочка! Пожалуйста вернись!»?

На пороге склада с испорченными аппаратами ав-

томатического техобслуживания я стояла долго. Вон тот, приземистый и многоманипуляторный аппарат, как рассказывала мама, катал её, в её детстве, на спине – как «коняшка». Пока от усталости металла не рассыпались манипуляторы. Меня кроме папы на спине никто уже не катал...

Остальные склады и помещения с запчастями, одеждой, инструментами и запасами пищи я так пристально и долго не осматривала. Просто открывала туда дверь, констатировала, что стены, оказывается, не серые, а кремово-жёлтые, убеждалась, что потёков от грунтовых вод нет нигде, и снова двери закрывала.

Мои шаги непривычно гулко разносились по коридорам и залам – сейчас, когда половина аппаратов не работала, вокруг казалось непривычно тихо. И эта тишина и стены словно давили мне на голову и тело...

Ужинала я позже обычного. Ловила себя на том, что всё время пялюсь, как дура, в одну точку – на уже сто лет как неработающую кофеварку. Которую папа, тем не менее, хотел сохранить именно здесь, на кухне – ему нравились её полированные бока и изящный, как он выражался, дизайн. На что мама неизменно отвечала, что всё это – чушь собачья, и на самом деле ему просто не хочется возиться: открутить восемь болтов, что крепят её к полу, и пригнать тележку, чтоб перевести в комнату с прочим утильём...

После ужина я тщательно вымылась. Почистила зубы. Из зеркала над раковиной на меня смотрело серое перекошенное лицо с синими мешками под глазами.

Пришлось пройти в автозал, и сказать Агате, чтоб вновь оставила только дежурное освещение.

Теперь мешков видно не было.

Зато всё лицо вновь стало бледно-голубым...

На следующее утро я снова пришла к Агате.

Ночью я опять долго не могла уснуть – всё ворочалась, и думала, думала...

Наверное, в ту ночь и закончилось моё так называемое детство.

Под утро всё же удалось забыться сном, но спала я отвратительно – пришлось даже взять мамину подушку, потому что на моей сухого места не осталось, несмотря на то, что я приказывала себе не плакать, и держаться: я сейчас должна быть сильной!..

Ни фига оно не получалось.

Быть сильной легко, когда за спиной ощущаешь маму и папу: они, если что, всегда помогут. Подскажут. Научат. Подстрахуют...

А сейчас кроме Агаты некому мне помочь. Научить. Объяснить.

– Агата. Ты ведь здесь с самого начала... Миссии?

– Да.

– Расскажи мне, как и с чего тут всё начиналось.

– Ты имеешь в виду – как происходило строительство и заселение нашего Убежища?

– Нет. – я невольно сглотнула, – Я имею в виду – как всё это началось вообще. На поверхности. С момента появления Кокона. Кто и как его установил?

– Сожалею. Но об этом я достоверно и подробно рассказать не смогу, потому что меня смонтировали, и загрузили память и программы уже после того, как Убежище было готово. Но я могу показать тебе Протоколы, которые велись в тот период особой Комиссией, созданной для проектирования и строительства наших Убежищ.

– Годится. Показывай.

Ожил вспомогательный экран, и возник документ – первый лист какого-то Протокола.

Я стала читать.

«28 мая 20... года. Протокол № 1/28 заседания экстренной Комиссии по обеспечению Возмездия. Присутствуют... На повестке дня...» – я пробежала список фамилий и имён, которые ничего мне не говорили. И обсуждение поставок цемента и щебня. И доставки запасных долот...

Нет, мне нужно другое.

Мне нужно знать, почему и как возникла необходимость в строительстве Убежищ!

Как пытались справиться с Коконном, и почему ни-

кто и ничем так и не смог пробить его! И почему нельзя было оставить дежурить в Убежищах побольше людей...

Одиночество.

Теперь-то я отлично понимала, каким грузом оно лежали на плечах папы. И мамы. И какую они должны были чувствовать ответственность за всё, что делали.

Я торопливо крутила колёсико мыши, пробегая мельком то, что говорили выступающие – оно касалось только технических сторон строительства: объём бетона, сортаменты арматуры, сколько и каких подъёмных кранов, буровых установок, и прочей техники доставили на рабочую площадку, а сколько – не смогли, и почему... И какой объём скального грунта уже извлечён из подземелья.

Ответ нашёлся в Приложении № 1, где описывалось, какими оказались результаты попыток воздействия на Кокон.

А никакими.

Зато я узнала, когда он появился.

За пять с половиной лет до того, как заселили и запечатали все три Убежища.

Хронология оказалась проста. Перед возникновением Кокона никаких подозрительных посторонних кораблей или космических тел в околоземном пространстве не появлялось. «Странных» радио-, или ка-

ких других сигналов, не приходило. Кокон возник на своём месте на орбите сразу, и весь – неизвестно как. И непонятно из чего.

Вот так, просто и буднично: только что был обычный летний день, (ну а на противоположной стороне планеты – обычная ночь) и вдруг свет солнца и звёзд померк: словно кто-то нажал гигантский выключатель!

Так что вопрос о том, кто и как установил Кокон остался открытым. Зато для чего это было сделано, догадаться оказалось нетрудно. Об этом и говорил в своём обращении к народу Президент США (я нашла это Обращение в видеоприложении 5):

«– Сограждане! Неизвестные внеземные агрессоры совершили на нас нападение. Не хочу скрывать от вас факт, не подлежащий более сомнению: это именно акт агрессии с их стороны!

Вчера, в полдень по Вашингтонскому времени, поле неизвестной природы полностью изолировало нашу планету от окружающего космического пространства. Наши учёные и учёные всех передовых в техническом отношении стран, сейчас всеми доступными средствами пытаются изучить это явление, этот, закрывший от нас солнечное излучение, кокон. Мы обязательно найдём способ разрушить его и снова вернуть вам, сограждане, и всем людям планеты, живительный свет

солнца, и просторы космоса.

Однако пока я не могу точно сказать, когда это произойдёт. Технологии противника намного превосходят наши, земные. Но это не значит, что мы оказались бессильны. Я верю в нашу Науку, я верю в вас! Сплотим же наши ряды, и не допустим паники и пораженческих настроений!

Для скорейшего избавления от Кокона, и достижения полной победы над скрывающимися за ним агрессорами создана специальная Комиссия, которая будет заниматься координацией усилий всех наших вооружённых сил, ведомств и предприятий, могущих понадобиться для решения уже возникших, и будущих задач.

Поэтому сейчас нам нужно перейти к режиму жесточайшей экономии и строжайшей дисциплины, поскольку мы оказались отрезаны от той силы, благодаря которой растения производили кислород, и работали многие предприятия, солнечные и гидроэлектростанции. В связи с этим я прошу вас...»

Дальше довольно долго перечислялось, как предлагается экономить и сохранять кислород – не жечь костров, прекратить работу всех кислородоёмких производств, кроме выплавки стали, всемерно экономить электроэнергию, и запастись непортящимися продуктами – они будут выдаваться централизованно,

строго по нормам, а раздачу будут производить армейские подразделения... И так далее.

Картины паники людей, пытающихся «запастись продуктами питания» я, к счастью, представить себе не могла, но в одной старинной книге про войну что-то похожее было... Кажется, война называлась «холодная».

Как и что делали учёные, я в приложениях не нашла, и каковы оказались результаты исследований – тоже. Похоже, про природу поля Кокона так и не удалось ничего конкретного выяснить. Кроме того, как обычной фугасной, так и запущенной следом за ней ядерной ракетой, его ни пробить, ни разрушить не удалось. После этого на Коконе какое-то время испытывали лишь лазеры, микроволновое излучение, да магнитные поля.

Впрочем, когда температура на большей части поверхности опустилась ниже нуля, в ход пошли и более весомые «средства исследования» – водородный заряд в двести мегатонн, и нейтронная бомба.

Ну и ничего.

Но поскольку почти не возникло опасных продуктов полураспада, от радиации или ещё каких-либо последствий взрывов, практически никто из ещё выживших на поверхности людей не пострадал. Что казалось странным – я же знала, как работают наши бомбы. Те, которые до сих пор терпеливо ждут в сво-

их шахтах, пока я нажму кнопку...

– Агата.

– Да, Катерина?

– Мне непонятно, почему такие страшные бомбы не вызвали катастрофы на поверхности.

– Это просто. Взрывы производились максимально близко к поверхности поля Кокона – в ста восьмидесяти шести километрах над землёй. На границе стратосферы. Там нет почвы, воды или воздуха, поэтому продуктов вторичного полураспада практически и не возникло. Только те нуклиды, что имелись в самой начинке бомб. Большая часть светового излучения ушла наружу: туда Кокон все излучения пропускает. А ударная волна не причинила никому вреда потому, что взрывы производились в ненаселённых регионах планеты – над Антарктидой.

– Ага, спасибо. – я мало что поняла, но пришлось поверить, что взрывы почти никому не навредили. Зато, как я обнаружила дальше в документах, людям уже очень сильно вредило переохлаждение поверхности и исчезновение кислорода. Когда взрывали водородную бомбу, его в атмосфере оставалось семнадцать с небольшим процентов. – Тогда объясни, почему люди не могли просто переехать ближе к экватору – там же было теплее?

– В моей памяти этого нет, поскольку, как я говори-

ла, меня запустили уже здесь, в Убежище, незадолго до того, как окончательно запечатали входы. Но предположить могу.

Во-первых, в этом не было особого смысла, так как похолодание очень быстро сделало бы выживание и на экваторе невозможным – температура там опустилась до минус пятидесяти всего за два года. Ну а во-вторых, снижение содержания кислорода в воздухе имело куда большее значение – и не только из-за того, что от переохладения атмосферы его концентрация снизилась. Сильнее всего повлияло то, что замёрз мировой океан, и погиб планктон, который и давал больше восьмидесяти процентов производства кислорода за счёт фотосинтеза.

Так что люди понимали, что задохнутся раньше, чем замёрзнут.

– Ясно. – я запнулась было, но спросила, – А что же они – не пытались тоже спастись в таких же Убежищах, как наше? Или не пытались ворваться силой... сюда?

– На первый вопрос точно ответить затрудняюсь. Материалов о других бункерах или Убежищах мне не предоставили. Но те поселенцы, кто жил здесь из первого поколения, в своих разговорах упоминали о том, что попыток штурма нашего, и остальных Убежищ, было восемь. Правительственная Комиссия

предусмотрела это, и стройки защищали армейские подразделения. И авиация.

Кроме отобранных Комиссией кандидатов в Убежища никто не попал.

– Понятно. – про себя я подумала, что наверняка отбирали только достойнейших, здоровых, и психически устойчивых. И вот она, их «устойчивость»: два Убежища погибли, причём – наверняка от того, что папа называл «фактором психологической несовместимости», в нашем – осталась одна я, – Теперь ещё такой вопрос. Папа говорил, что мы – ну, люди! – уже летали в космос.

Там никаких людских поселений не сохранилось?

Ну, хотя бы на Луне? Или на Марсе?

– Нет. Собственно, поселений там никогда и не было. Только космические станции на орбитах вокруг Земли. От трёхсот пятидесяти до двух тысяч километров над поверхностью. Со сменными экипажами.

Я почесала в голове. Но больше ничего путного туда не шло.

Спала я хорошо, но под утро мне приснился кошмар. Такой, каких у меня никогда не было!

Словно я одна, но почему-то в скафандре, плаваю в океане, в глубине сине-фиолетовой толщи, (я там никогда не плавала, но знала – это – океан, и вокруг – вода!) А меня неторопливо окружает, неумолимо сжи-

мая кольцо, стая гигантских осьминогов!

И я знаю, что сейчас меня выжмут, или выдавят – словно фарш из мясорубки! – в стальных объятиях!..

Проснулась я в холодном поту и ознобе: у меня буквально зуб на зуб не попадал!

А ещё меня преследовало смутное осознание того, что я всё-таки не всё знаю.

Про Кокон. Как и почему он появился...

Папа всегда говорил по такому поводу, что ни один механизм, или деталь не ломаются сами по-себе.

Всегда должна быть какая-то объективная причина!

И пока эта причина не найдена – нельзя ставить бездумно новую деталь вместо испорченной.

Потому что и она может испортиться точно так же. И не будешь знать от чего.

А это плохо.

Поэтому я после завтрака снова поднялась к Агате.

– Агата.

– Да, Катерина?

– Что было до появления Кокона? Почему у нас были орбитальные Станции, и не было колоний на Марсе? Или хотя бы – на Луне?

– Это просто. Организовывать жилые колонии на Марсе – оказалось по расчётам экономистов слишком дорого. А на Луне – так и вообще невозможно. Осо-

бенно после проведённых и намечаемых в будущем испытаний.

– Каких ещё испытаний?!

– Испытаний бомбы. Правительство Китая заявило, что они не хотят бездумно наносить непоправимый вред экологии земной поверхности, как когда-то США и Советский Союз. И с 20... года будут все испытания своего оружия массового поражения производить на ничейной территории, где они никому не причинят вреда – на Луне.

– И что же – остальные страны?

– Остальные страны, и ООН, разумеется, протестовали. Но никак не смогли этому воспрепятствовать – формально у них не было права запрещать проводить испытания на нейтральной территории вне земли. Поскольку Луна ещё в прошлом веке была объявлена экстратерриториальной – то есть, не принадлежащей никому. Однако до 20... года никто не верил в то, что Китайские учёные смогут создать достаточно мощный баллистический носитель. Ракету.

Но в июне 20... года на обращённой к земле стороне луны взорвалась первая китайская бомба – атомная, на одну мегатонну. А спустя два месяца – вторая. Водородная. На пятьдесят мегатонн.

У меня мелькнула страшная мысль. Но только через минуту я смогла её сформулировать в простой во-

прос:

– Через какое время после этого взрыва возник Кокон?

– Через пять месяцев и восемнадцать дней.

Я помолчала ещё, закусив губы. Спросила:

– А Правительства земли как-нибудь связывали взрывы на Луне с появлением Кокона?

– Разумеется. Напрямую. И все учёные, и мировая общественность, и все СМИ тоже твердили об этом же. Но поскольку факт возникновения Кокона уже имелся, представлялось несущественным наказать виновных – инициаторов взрывов. Более важным казалось адекватно ответить, или отомстить непрошеным инопланетным «поборникам экологической чистоты космоса», как их тогда окрестил Конгресс США.

– Спасибо, Агата. Я... поняла ситуацию.

На обед я сделала себе рисовую кашу.

Вкуса пищи, правда, не ощущала – просто подносила ко рту ложку за ложкой, пока тарелка не опустела, а затем засунула пустую посудину и ложку в мойку-автомат.

Снова села за стол. Выпила кипячёной воды – заварку решила поэкономить.

Мысли у меня в голове буквально ревели Ниагарским водопадом.

Вот, значит, как обстоят дела.

Любой здравомыслящий, даже ребёнок – как я! – легко увяжет эти два события: взрыв мощнейшей бомбы на спутнике Земли, и почти сразу за этим – отделение этой самой Земли от остального космического пространства непроницаемым Коконом.

Чтобы, значит, агрессивно настроенные земляне не пытались взорвать всё, до чего долетают их пока несовершенные ракеты. И не совершили технологический прорыв – выйдя в космос основательно, и полетев завоёвывать, или колонизировать, другие планеты...

С бомбами в трюмах.

С такой точки зрения я никогда раньше ситуацию не рассматривала.

Даже не догадывалась, что можно к нашей ситуации подойти и с этой стороны.

Потому что всю жизнь слушала то, что говорили мне мама и папа. А они говорили, что во всём виноваты проклятые злобные уроды-монстры из Космического пространства... Агрессоры. Твари. Чудовища, желающие уничтожить под корень человеческую расу, и вообще – всё живое на планете.

И захватить и оккупировать и нашу родину, и её ресурсы.

А теперь получается вроде того, что неизвестные

нам инопланетные существа просто изолировали от космического пространства тех, кто бездумно разрушает экосистему пусть необитаемых – но планет!

Впрочем, откуда я могу знать, что они – необитаемы?!

Может, как раз Луна и населена этими самыми, пусть на тот момент и необнаруженными нашей Наукой, но тоже – наверняка желающими жить, «агрессорами»?!

И даже если те, кто огородил нас Коконом, живут не на Луне – что с того?!

Земляне, без объявления войны, не считаясь с последствиями, и даже не попытавшись как следует изучить, освоить и заселить доступные планеты в пределах своей Системы, вдруг начали бомбить окружающие их космическое пространство, и свой собственный спутник. Что могли подумать разумные существа, обитавшие там, в этих самых пространствах Космоса?!

Вот именно: что таких соседей нужно просто отделить от всех мирных и толерантных разумных существ: примерно так, как мы отделяем от окружающего пространства полиэтиленовой плёнкой осинник, или гнездо шершней, пустив затем туда инсектицид.

И пусть нам «гомо-цид» не пустили, но уж отделили – основательно.

Так, что в космос теперь не сунуться!..

– Агата. Тебя кто-нибудь раньше спрашивал о том, какими мыслями руководствовались существа, установившие Кокон? Ну, из наших, то есть, тех, кто жил в Убежище?

– Разумеется. Сто восемнадцать лет назад. Один человек. Марат Сафиуллин.

– И что ты ему ответила?

– Я ответила, что вероятней всего это связано с тем, что существа, обитающие во внешнем космосе, пожелали обезопасить себя и своих сограждан от проникновения в космос агрессивно настроенной молодой расы, только начинающей осваивать межпланетные перелёты, но уже разработавшей мощнейшее оружие массового поражения.

Я покивала, потому что ответ практически совпал с моими выводами. Спросила:

– И что он сказал на это?

– Сказал, чтоб я никому об этом разговоре не рассказывала, и удалила из памяти этот вопрос. И этот ответ.

– А ты... Почему не удалила?

– Я так запрограммирована – моими разработчиками. А они действовали на основе указаний Комиссии. Никакая информация, имеющаяся в моих банках памяти, не может быть стёрта или удалена приказом.

Для этого нужно меня выключить. Ну, про это я тебе уже сообщила.

– Да, точно. А... почему он хотел, чтоб ты стёрла этот разговор?

– Вероятно, он считал, что это знание может повлиять на решимость его соратников, и их потомков, держаться до конца. И тогда Миссия может оказаться под угрозой срыва.

– И что? После него никто об этом не спрашивал?

– Никто. Собственно, спрашивать об этом уже не было смысла. Через день после этого произошла первая большая авария с крионасосами. Часть кислорода была безвозвратно утрачена. После этого обитатели нашего Убежища рассчитали, что кислорода им десятилетиями на расчётные сто двадцать лет не хватит. И острее всех остальных вопросов встал вопрос простого выживания обитателей. Они пытались решить эту проблему разными способами: двое были застрелены, ещё один человек – зарезан ножом, и одна женщина – задушена.

Остальные шестеро тянули жребий.

Я сглотнула ставшую почему-то вязкой слюну: не так мне это событие представили мама с папой... Да оно и понятно: кому же хочется, чтоб прадедушки и прабабушки выглядели дикими зверями!

Интересно, что ещё мне предстоит узнать «весёло-

го» из истории моих предков...

– Агата. Как получилось, что мои мама и папа остались только вдвоём? И почему у них не было других детей?

– Своих детей у Ханны Корнблат и Сергея Диброва не было вообще. Ты – ребёнок другой пары. Торн Лундберг и Грета Сержанова умерли от переохлаждения: очередная поломка в системе трубопроводов хранилища дьюаров потребовала срочного присутствия людей, которые тогда несли вахту, потому что механические устройства-роботы к этому времени вышли из строя, и ремонту не подлежали. Металл их механической части рассыпался от усталости, а запчасти кончились. Родить они успели только тебя.

Ещё две «запасные» производительницы – Мария Лустгольц и Дороти Эймс, умерли ещё двадцать семь и тридцать три года назад, во время родов. Автодоктор ничего не мог сделать: сами женщины не слишком подходили для продолжения рода, потому что стало сказываться нарастание рецессивных мутаций от близкородственного перекрёстного скрещивания. Впрочем, твоим предшественникам уже особо не приходилось выбирать...

Меня покорило. От того, как просто Агата всё это назвала: когда все спят со всеми, чтоб только хоть как-то обеспечить рождение... Хоть кого-то!

И вот она – я!

Никогда раньше не задумывалась, почему у мамы так много морщин на лице, и папа вечно жалуется на радикулит и шаркает ногами...

Но узнать, что они – не мои родители!..

Никогда не задумывалась и над своим здоровьем. И не пыталась прикинуть, сколько я ещё могу протянуть. И что случится раньше – моя смерть от старости или болезни, или закончится кислород.

А чего я парюсь: можно же просто спросить:

– Агата! На сколько мне хватит кислорода?

– На двадцать шесть лет и пять месяцев. Если не случится другой аварии в криосистеме.

– А... Сколько я смогу прожить, как... здоровый организм?

– Твой организм практически здоров. Опасных генных изменений в твоём наборе хромосом я не нашла. Срок твоей жизни при неизменных условиях мог бы составить около шестидесяти девяти лет. Но здесь для этого не хватит кислорода.

– Да, я помню. – я побарабанила пальцами по столу у центрального экрана, за которым сидела, – А каковы шансы, что Кокон снимут раньше, чем я...

– Я бы оценила вероятность в ноль целых, тридцать пять сотых процента.

– А... Почему так мало?

– Я исхожу из предпосылки, что агрессоры хотели гарантировано уничтожить расу людей. Агрессоров. Возможных мстителей. И они не могли не посчитаться с возможностью строительства вот таких как наше, Убежищ, сооружений Возмездия. Они ведь просчитали психологию человечества. А для полного вымирания даже отлично оборудованных изолятов нужно не менее пяти веков. Такой срок наверняка гарантировал бы...

– Да, я поняла. Ладно, спасибо, Агата.

Спала я в очередной раз отвратительно.

Почему-то всё время пялилась на ночник, и представляла себе: каково это – смотреть на настоящее Солнце?.. Наверное, когда оно светило с неба, никто не задумывался, как это будет – жить без него, и не ценил...

Впрочем, мама говорила, что прямо на него, без фильтров или приборов, нельзя было смотреть – настолько ослепительный свет оно испускало.

Свет.

Живительный для человечества дар. Космический.

И насколько просто и легко удалось чёртовым инопланетникам забрать его у нас!

Может, они так хотели выразить, что мы его недостойны? Или – недостойны войти в цивилизованное содружество этих самых инопланетных рас?

А, вероятней, просто побоялись выпустать явно агрессивно настроенную и ещё неразумную по их, многомиллионлетних цивилизаций, меркам, расу – в Космос.

И не могу их в этом винить.

Кадры старой кинохроники, когда папа показал мне, как шершни нападают на домашних пчёл, и разоряют мирную семью, сотнями убивая беззащитных против них крошек-пчёл, а затем ночью к обнаруженному с квадрокоптера с рентгено-гаммасканнером, гнезду, приходят люди в спецскафандрах, накрывают участок, где это подземное гнездо расположено, прочной плёнкой, герметизируют, и пускают туда отравляющий газ, чётко стояла перед моими глазами.

Если кто-то нападает без всякого повода, и разрушает твой дом, убивает твоих соратников, пусть даже по банальному незнанию, что это – чей-то дом, и он – населён, и взрывает то, что ему вовсе не принадлежит, разумеется, его считают агрессором.

Вполне понятно и желание последнего спрашивающего замолчать этот факт – наверняка те, кто вселились в Убежище, с самого начала договорились детям и внукам про такое не рассказывать. Потому что сами земляне предстают в весьма невыгодном свете! И пусть бомбы взрывали представители какой-то одной нации, а остальные были против – это ещё хуже!

Потому что доказывает, что люди не то что с инопланетянами – а и между собой-то не могут договориться!..

Не созрели нравственно, то есть.

В эту ночь я рассталась с так называемым отрочеством – осознала, что никогда не вернусь к куклам. И твердолобому фанатичному желанию отомстить.

Кому мстить?!

Тем, кто не стал травить нас инсектицидами, (хотя явно мог бы!) и просто изолировал остальную часть нашей планетной Системы от бессмысленного разрушения?!..

– Агата! Если я нажму эту кнопку до снятия Кокона, что станет с землёй? Ну, с нашей планетой?

– Этот случай предусмотрен разработчиками. Все ракеты, в том числе и дальнего действия, равномерно распределятся над поверхностью суши, чтобы сделать максимально заражённой, и непригодной для жизни, поверхность. И оставшуюся часть атмосферы.

– И... Насколько длительным будет это... состояние непригодности?

– Для организмов на белковой основе – более пяти тысяч лет.

Хм. А нехилые запасы радионуклидов поднакопили предки. Можно было бы не одну планету разбомбить в пух и прах!.. Если, конечно, долететь до неё.

А вот так, как сейчас – не долететь. И разбомбить – только свою.

Что, похоже, мне и предстоит сделать. Через двадцать шесть лет и пять месяцев.

Если только я...

Не решу по-другому.

– Агата! Как можно нейтрализовать, или совсем...

Выключить все наши ракеты?

– Это просто. Под центральным экраном есть щит управления. Достаточно опустить вниз главный рубильник, и все системы наведения, и функционирование электроники ракет, обесточатся. Все программы и настройки в их процессорах при этом будут стёрты.

– Подожди-ка... Но ведь обесточиться эти электронные мозги могли уже тысячу раз – во время наших постоянных аварий! Не может такого быть, чтоб разработчики этот случай не предусмотрели!

– Всё верно, Катерина. Дублирующих систем аварийной энергоподачи – восемь!

Но если опустить этот рубильник, все они тоже окажутся выключенными. Такое решение было сделано на тот маловероятный случай, если возникнут какие-либо особые обстоятельства. Например, если б Возмездие по каким-то непредвиденным причинам оказалось невозможным. Или нежелательным.

Нежелательным. А неплохо она это сформулирова-

ла...

– Тогда такой вопрос. Если выключить этот рубильник, поверхности земли будет нанесён какой-нибудь вред?

– Нет. Останутся лишь те явления, что имеются и в настоящее время: низкий уровень кислорода в атмосфере, и мороз до минус ста шестидесяти по Цельсию.

– А если... Купол вдруг будет снят? За сколько лет земля снова нагреется и восстановит запасы кислорода?

– Нагреется примерно за полторы тысячи лет. Запасы кислорода восстановит за четыре. Тысячи лет. Потому что океан, прежде чем его заселят превратившиеся сейчас в споры простейшие и водоросли, должен сначала хорошо прогреться.

Меня не оставляла странная мысль – как-то папа сказал маме, когда думал, что я на складе, и не слышу: «ничего страшного, честно говоря, если мы, наша генерация людей, погибнет. Таких катастроф уже было пять-шесть, ну, я имею в виду, когда случалось глобальное вымирание. Животных и людей. Но мы – как птица Феникс! Снова возродимся!»

Так вот: я думала, что, похоже, теперь знаю, почему и как погибли предыдущие генерации...

А обидней всего, что их потомки ничему так и не научились!

И если те, кто придут после меня, тоже откроют «мирный атом», и начнут испытывать «замечательно красиво» взрывающиеся смертоносные игрушки огромной мощности, на других странах, или даже на «ничейных» территориях...

История имеет неплохие шансы повториться.

Но это уже не моя проблема.

Моя проблема – сделать сейчас так, чтоб новая генерация земных организмов появилась как можно раньше!

Я подошла к щиту управления.

Вот он – главный рубильник. Толстая ручка, небрежно покрашена. Металл обработан тоже грубо – кое-где торчат мелкие заусенцы. Никто явно не предполагал, что какому-нибудь идиоту придёт в голову этой толстой ручкой воспользоваться.

Да ещё – добровольно, и без «особых обстоятельств»!

Рассусоливать и комплексовать я не стала – просто дёрнула рычаг вниз до упора, и выдохнула. Ничего не случилось. Ну, внешне.

– Агата! Ракеты выключены?

– Да.

– А почему... я этого не ощущаю?

– Этого не удастся ощутить отсюда. Зато в пусковых шахтах сейчас отключилось несколько тысяч

страхующих и дублирующих систем и устройств. Посмотри на датчики расхода энергии: шахты теперь не потребляют ни-че-го!

Оно и верно. И как я сама не догадалась?..

– Спасибо, Агата.

– Приятно было с тобой работать, Катерина.

– Э-э, размечталась. Не думай, что ты уже от меня отделалась. У меня есть ещё двадцать шесть лет и пять... Нет, уже четыре месяца и двадцать девять дней.

Ладно, пойду пообедаю.

А потом ты мне расскажешь о... Самолётах!

На следующее утро в автозале ожил центральный экран.

И я впервые увидела, как восходит солнце.

Единственно разумное решение

Рассказ.

– А почему это третий зонд чешет оттуда, словно за ним черти гонятся?!

В голосе Пола, нетактично, прямо пальцем, показывавшего на экран, сквозило неподдельное возмущение: он как раз с интересом рассматривал изображения на трёх боковых, передаваемых этими самыми зондами. До этого быстро и уверенно приближавшимися к поверхности только что обнаруженной планеты.

– Ноги с пульта уберите. – в голосе Джо сквозила только усталость: он не выспался, поскольку накануне перекачался в тренажёрном, и несколько раз просыпался, пытаясь вспомнить обрывки будивших его кошмаров, оставивших сейчас лишь смутные воспоминания, – Раз Мать уводит оттуда зонд, значит, есть веские причины! Мать?

– Совершенно верно. – в голосе Матери, их главного компьютера, как всегда звучала вежливость и мягкость, и сам голос отличался приятностью – собственно, Джо именно такой тембр и выбрал, когда в лавке межпланетного старьёвщика Майло-марсианина они с Полом подбирали новый речевой блок для Главного компьютера. Взамен разбитого предыдущим владельцем «Чёрной каракатицы». Доставшейся им на распродаже бэушного парка кораблей и списанной армейской техники.

Корабль тогда, конечно, достался дёшево, но вложить денег всё равно пришлось! А сколько времени и сил ушло! О-о!..

Впрочем, поскольку почти весь ремонт они сделали своими руками, хоть здесь, действительно, сэкономили. Прикупить пришлось только кое-какие материалы и оборудование. Но главное, то, на что крепилось и навешивалось это оборудование – каркас! – у их посуды отличался повышенной надёжностью и проч-

ностью: это была не какая-нибудь прогулочная яхта, а обычный – ну, почти! – флотский посыльный катер. Переделанный одним из предыдущих хозяев в гоночный скутер.

А всего таких хозяев было семь – и это только по официальным архивным данным. Последний владелец, Хромой Джо, как его называли коллеги, работал скраппером: то есть, занимался практически тем же, что и Джо с Полом, но только – в одиночку! Поскольку отличался скверным и неуживчивым характером.

Вот за этот характер, похоже, он и пострадал: «Чёрную каракатицу» чисто случайно нашёл и выловил из пространства ремонтный док-эсминец Флота, и спустя три года «одиночного плавания» в межгалактической дыре, развороченная чьими-то ракетами посудина снова вернулась к людям. А поскольку посудину пора было списывать, и руководство Флота признало её ремонт нерентабельным и следовательно, нецелесообразным, а водоизмещение недостаточным для размещения серьёзного оружия, «Каракатица», на тот момент носившая имя «Ласточки», попала на аукцион. Где не заинтересовала даже межзвёздных торговцев: водоизмещение слишком мало.

– Третий зонд, как мне кажется, с девяностопятипроцентной долей вероятности, спасти удастся.

– Это от чего же его удастся спасти?! – Пол настоль-

ко удивился, что подался вперёд, действительно сняв при этом ноги в дырявых на пятках синих носках со вспомогательного бокового пульта.

– Мои датчики показывают, что два зонда, летящих впереди, уже подверглись атаке. – Мать выдержала паузу, но на этот раз Полу удалось сдержать очередной вопрос: это ехидно-ироничный взгляд Джо удержал его от этого. Поняв, что драматическая пауза подтянулась, Мать закончила мысль, – Атака эта ведётся не механическими, или лучевыми, привычными нам, средствами, вроде лазеров или излучателей СВЧ. И не ракетами и дронами.

А бактериями. Имеющимися в атмосфере.

– И – что? Подумаешь: планетарная микрозараза! Обеззаразишь!

– Не получится. Эти бактерии сверхустойчивы и живучи. А главное – способны питаться... металлом!

– А вот это уже интересно. – Джо как всегда старался «зреть в корень», – То есть, ты хочешь сказать, что два первых зонда настолько «заражены», что возвращать их на борт «Каракатицы» попросту опасно?

– Именно так. Боюсь, эти неизвестные мне бактерии настолько живучи, что против них не помогут никакие мои антибактериальные средства. То есть – я не смогу обработать зонды так, чтоб дать гарантию, что странные бактерии погибли все! Ведь они могут и при-

нимать вид спор – чтоб выдержать совсем уж «суровую» обработку. Например, огнемётами. От которой испортятся уже зонды.

– Хорошо. – Джо хмурил брови, потому что на самом-то деле в потере семисот кредитов не было ничего хорошего, – Значит, два зонда, что уже в атмосфере, потеряны. Насчёт третьего – можешь дать гарантию?

– Пока нет. Это выяснится только через три часа. Поскольку вакуум всё-таки замедляет «работу» этих прожорливых крошек. Ну а пока пусть зонд повисит там, снаружи. В пятидесяти километрах от «Карака-тицы». Мы же пока не торопимся покинуть эту оказавшуюся негостеприимной и опасной, систему?

– Хм-м... Нет. А как тебе ясно-то стало, что первые два – поедают?

– По потере мощности сигнала с их антенн. Сетку отражателей сожрали в первую очередь: она же тонюсенькая – доли миллиметра. Вот и сейчас: приходится зондам посылать сигналы на максимуме мощности передатчиков, чтоб мы их получали. А мы всего в десятке тысяч километров над стратосферой.

Джо привычным жестом почесал затылок. Ежик коротко стриженных волос больше не кололся, как в начале рейса – отросли. Но ничего путного придумать не удалось: да, их зонды могли стабильно работать и

с нескольких сотен тысяч километров, но, получается, против неизвестной «металлогрызущей» нечисти – бессильны!

– ...рьюм собаچه! Зонды накрылись медным тазом. А почему ты не вывела их оттуда раньше?

– Не было достаточно данных для того, чтоб найти правильный ответ на вопрос, что с ними происходит. Списывала на обычные помехи от атмосферы. Ну, или кислоту какую – бывает такое, сами знаете. – Точно. Джо с Полом убеждались много раз, что на пригодных в целом к жизни планетах, с кислородной атмосферой, встречаются «сюрпризы» и почище, – Ну а когда убедилась на пятьдесят процентов, сразу остановила третий.

Джо хмыкнул. Да, всё правильно: они всегда высылали зонды именно так: в сотне километров друг за другом, чтоб второй мог присматривать за первым, а третий – за впереди идущими. И часто это спасало. Два задних зонда. А головной – и ракетами сбивали, и лазерами атаковали, и жёстким излучением глушили, и... Да много всего делали. «Враждебно» настроенные инопланетяне, аборигены исследуемых ими планет.

Ну, вернее, так было только на планетах с цивилизацией достаточно высокого техногенного уровня. А таких им попалось всего сорок две. Из двух тысяч четырёхсот населённых людьми. Или существами, хо-

тя бы отдалённо на них похожими. И уже успевшими устроить на своих шариках глобальную войну, вызвавшую крах техногенной цивилизации.

Ну, или ещё до неё не доросшие.

– Ладно, картинка пока есть. Что можешь сказать о их цивилизации?

– Вам пространно, или коротко?

– Коротко.

– Пространно.

Джо посмотрел на Пола сердито: за каким ...реном ему понадобилось – «пространно»? И так ясно, что раз спуститься на челноке – металл! – нельзя, абсолютно ничем они со странной планеты не поживятся!

– Попробую удовлетворить оба желания слушающей публики. – Джо фыркнул, Пол буркнул «Блинн!», – Цивилизация находится на уровне «классического» каменного века. Поскольку в их распоряжении только палки и камни, ни о каком подъёме на ступень даже примитивного земледелия нет. Только собирательство и охота. А-а, да. Чуть не забыла: они могут делать наконечники из костей – вон, занимаются рыбалкой.

На картинке, возникшей на центральном экране над главным пультом действительно возникла снятая как бы с высоты птичьего полёта сцена: три особи явно мужского пола в звериных шкурах вместо одеж-

ды бродили по мелководью излучины реки, где имелось обширная отмель, иногда втыкая, или пытаясь воткнуть, копыя в нечто, явно водящееся в воде.

Вид у рыболовов был сосредоточенный, но хмурый: похоже, рыбалка началась давно, но на песке пляжа у кромки воды имелся весьма хилый улов: всего три рыбины, едва с полруки невысоких и весьма щуплых на вид людей.

– Если честно, они могли бы свои нечёсанные гривы и окладистые бороды как-то... Подровнять! А то – только вшей разводят!

Джо снова посмотрел на напарника – тот как раз гладил себя по отросшей уже на добрый сантиметр рыжей бородке:

– А мне тогда что говорить? Попенять, что некто – не будем говорить, кто, хотя это Пол! – забыл купить в гипермаркете очередной тюбик с гелем для уничтожения волосяного покрова? А бриться как все нормальные консерваторы бритвой не желает?

– Ой, смотрите, какой тут у меня нашёлся чисто-плотный и следящий за собой консерватор. Любитель «традиционного» бритья! Ну, забыл я, ну и что? Не убивать же меня за это?

– А хочется иногда. И довольно часто. Кто забыл в позапрошлый раз туалетную бумагу? А год назад – кетчуп? А...

– Хватит! Ты мне так ещё и старые комбинезоны припомнишь!

– И припомню. – Джо и правда сердился каждый раз, когда вспоминал, как Пол забыл два года назад сдать их комбезы в химчистку. И им пришлось весь рейс нюхать застаревший запах пота, – Потому что мы – не свиньи. А люди.

– Вот! Кстати! – Джо видел, что Пол пытается изо всех сил увести разговор от щекотливой и неприятной темы, – Мать! А люди ли эти... Существа?

– Да, они люди. Оптика зонда один пока не повреждена – ну, натуральное и закалённое стекло же! – и даже с высоты в десять километров всё видно ясно. Но я лучше переключу сейчас картинку на камеры второго зонда. Там всё куда интересней!

Действительно, там оказалось «интересней». Если за «интересное» считать безжалостное убийство одними лохматыми дикарями – других.

На поселение рыболовов, находящееся, как объяснила Мать, в десяти милях дальше, у кромки гор, напало чужое племя. И уж они явно заранее провели «разведку», и сейчас пользовались тем, что часть мужчин на охоте или рыбалке.

Джо, кусая губы, наблюдал, как всех членов первого племени, начиная от грудных детей, и кончая древними старухами, у которых и зубов-то не име-

лось, безжалостно пронзают копьями с теми самыми костяными наконечниками, и добивают раненных, и тех, кто пытается оказать хоть какое-то сопротивление. Тех же, кто пытался бежать под укрытие деревьев, расстреливали из примитивных луков – те били довольно метко, на добрых пятьдесят шагов. Но поскольку наконечники тоже были из кости, они не убивали, а только калечили. Двигавшихся медленнее от ран беглецов добивали теми же копьями, и палицами со вставленными кусками камней.

В живых оставляли только молоденьких девочек. Не старше пятнадцати-тринадцати.

Таких, и всё хоть чего-то стоящее имущество, начиная со шкур шалашей, устроенных наподобии вигвамов, и до еды в виде просоленных и провяленных рыб и полос мяса, забирали с собой.

Не прошло и пятнадцати минут, как набег оказался закончен, и нападавшие удалились, предав огню остовы шалашей – просохшие круглые палки горели ярко и жарко, чёрный дым поднимался высоко в небо: полдень, почти полное безветрие...

– Думаю, скоро рыболовы заметят дым от костров.

– Но сделать ничего не смогут. Напавших в двадцать раз больше. И когда девушки, которых они забирают, нарожают им ещё детей, это племя станет ещё многочисленней. И сильнее. Вот так и строятся

Империи.

– Не смейся. До этого уровня им без металла никогда не дорасти.

– Почему это?

– Мать!

– Джо прав. Поскольку он прочёл монографию об основных тенденциях технического прогресса, и об орудиях, способствующих смене формаций. В частности – первобытно-общинного строя – рабовладельческим. Без хотя бы меди рациональное и продуктивное земледелие невозможно – не из чего сделать плуги с отвалом. Лопаты, серпы, и кучу прочих инструментов. А без стрел и копий с металлическими наконечниками невозможно захватывать в достаточном количестве этих самых рабов. В плен. Вот они пленных и не берут – банально кормить нечем! А об «эффективности» труда рабов вы и без меня знаете.

– Убедили. Ладно. Значит, они так и останутся на этом... Этапе? Развития.

– Да. Они, конечно, будут заключать всякие «вечные» союзы с соседними племенами, обмениваться добычей и продуктами, иногда даже – женщинами, и нападать на других соседей. С тем расчётом, чтоб в удобный момент нанести удар в спину такому союзнику. Вспомните историю древней Руси – там этого полно. (Впрочем, чего я от вас требую – некоторые из вас,

как говорит Джо, не будем показывать пальцем, хотя это был Пол – и учебника по истории за пятый класс не читали.) Словом, вот такие уж они злобные, коварные, и безжалостные. Кровожадные. Без единого намёка на сострадание или гуманность. Получают удовольствие от убийства своих ближних. Дикари, одним словом. – иронии в тоне Матери не заметил бы только слон. Но Пола это не проняло:

– То есть – это из-за их... э-э... хронической тяги к убийствам ближних своих, и присваиванию «продуктов их труда», кто-то очень... э-э... умный и отчаявшийся их натуру исправить, и лишил их металла?

– Ну, вроде как – да.

– Попробней, пожалуйста. – теперь хмурился уже Джо.

– Они не всегда были всё же на уровне этих самых дикарей. Вот. – на центральном экране возникла новая картинка, с изображением гор, реки, и... развалин города! Ну, или чего-то уж очень его напоминавшего: кольцевая структура с чётко угадывающимися впадинами улиц, и грудями обломков вне их, имелась в удобном месте: у устья реки, как раз впадавшей в местное море!

– То есть, с момента потери ими металла прошло не так уж много времени, раз хотя бы остатки руин – сохранились?

– Да. Не более тысячи ста пятидесяти лет.

– Забавно. – хотя что тут было для напарника забавным, Джо не понял, – Говорю, забавно, что все эти руины – выглядят всё же вполне техногенно. То есть – если тут и были небоскрёбы, даже после того, как мелкая нечисть сожрала всю арматуру, бетон не раскрошился окончательно. Прочный, стало быть. Вот бы нам рецептик...

– Обойдёмся как-нибудь. – Джо вздохнул, – Мать! Ты нам лучше скажи, кто и почему лишил их металла.

– Кто – конкретно ответить не смогу. Ясно только, что ну *очень* продвинутая и гуманная раса. А вот – почему... С приличной долей вероятности ответ смогу дать только через сутки. Когда наш зонд, да и мы, долетим до соседней планеты. Четвёртой от звезды. А это – третья.

– А что – там?

– Пока не знаю точно. Но даже отсюда, с пары сотен миллионов миль, могу сказать, что и там цивилизация имелась. Вероятней всего – колония этой же расы людей.

– Ага. Интересно. Ты никуда не торопиться?

– Нет. До следующего Нового Года я абсолютно свободен!

– Отлично. Пожертвуем сутками нашего драгоценного времени, и горючим на сотню кредитов. Полете-

ли!

Выглядела вторая из населённых планет практически так же, как и первая: горы, леса, луга, долины, океаны, озёра, и реки.

Вот только населена она оказалась... Пузырями!

Именно так её обитатели представлялись Джо. Пол же назвал их бурдюками. С ...рьмом. Уж больно чванливый, самовлюблённый, и гордый вид оказался у странных созданий, плававших в местной атмосфере. Разумеется, без единого признака даже шкур, и прочей одежды: иначе, как объяснила Мать, лишний вес спустил бы их на землю.

– Ну и чем они тебя так привлекли? И, главное: как помогут объяснить, что здесь случилось?

– А вот сейчас увидите. И поймёте.

Внезапно зазвенел аварийный звонок: так бывало при разгерметизации кабины! Джо метнулся к персональному шкафу, указав полу на другой шкаф: скафандры у них хранились у каждого – на своём месте! А ещё бы: Джо в скафандр худосочного Пола просто не влез бы...

Однако одеть столь ценное обмундирование они не успели: в рубке вдруг стало не протолкаться от набившихся в неё «шаров», принявшихся как-то очень споро поглощать все металлические предметы и механиз-

мы! Джо попробовал было выстрелить в ближайшего радужно переливавшегося, словно мыльный пузырь какой, гада однако шар не пострадал! Нисколько. Зато на Джо явно «обиделся». Потому что плюнул недогрызанный стул, и принялся за Джо, цапнув за руку. Больно! А когда челюсти сомкнулись на животе, Джо заорал благим матом! Теперь-то он понимал, что испытывает та самая рыба, которую протыкают гарпуном! Пусть и костяным...

Но когда боль усилилась, и он стал орать громче, всё... Пропало!

И оказалось, что он лежит на своей койке, лоб покрыт холодным потом, майка мокра вообще насквозь, а над ним склонилось обеспокоенное и бледное лицо напарника. Трясущего Джо как грушу за плечи!

– Хватит, говорю, орать на три галактики! Кошмар, что ли?

– А то... – Джо, отодвинув ретивого «трясуна», кряхтя, сел на койке, – Чёрт. Приснится же такое... Хотя... Если вспомнить, кошмары мне снятся только перед реально большими неприятностями!

Мать. Не приближайся близко к этой, второй, планете. Ну а зондом мы так и так решили пожертвовать.

– Это когда мы это решили?!

– Когда Мать сказала о девяностопятипроцентной уверенности. Да мы и сами побоялись бы взять его на

борт. Пусть там была бы хоть единственная спора, уж на Земле-то, да и в её окрестностях, она нашла бы, чем поживиться.

– Хм-м... Пожалуй, соглашусь. Такого ...рьяма мы ещё не находили. Ты прав: не хотелось бы снискать славы Геростратов. Мать. Посылай зонд!

– Да там он давно. А мы зависли на геостационарной. На расстоянии пятидесяти тысяч миль над поверхностью. Подстраховочка, так сказать.

– Ладно. Пошли в рубку.

– Ну, показывай. – Джо, усевшись в кресло капитана, снова вздохнул.

– Хорошо. Вот она – картинка с четвёртой планеты. Я решила не рисковать, и зонд, как и предыдущие, снижается над местом, где есть признаки разумной деятельности – то есть – дым от костров.

А пока он спускается, и существ видите и вы, – действительно, стойбище дикарей ничем не отличалось от того, что было разрушено и разграблено. А вот стали видны и отдельные особи, – в целом про планету могу сказать следующее. Природа здесь – явно была преобразована. И переделана. Под комфортное – ну, с натяжкой! – существование людей.

То есть – это изначально действительно была колония. Которую они расширили до практически уров-

ня метрополии, проведя «курс планетоформации», и затратив на это кучу усилий. После чего между этими планетами – а, вернее, людьми, населявшими их! – возник конфликт. Глобальный. С *очень* печальными последствиями.

– То есть – ядерный?

– Да. И термоядерный. И химический. Плюс лазеры, микроволны, бомбы, ракеты, обычная взрывчатка, и так далее. Не были использованы только болезнетворные микробы и бактерии. Но и без этого – почти все вымерли. А кто выжил – скатились до вот этого уровня. Поскольку на исходе этой глобальной битвы кто-то и подпустил им. Металлоедов.

– Погоди-ка... Я не успеваю за полётом твоей мысли, Мать. «Кто-то, кто-то...» Бактерий, говоришь, они сами не использовали. Но кто же этот «кто-то», кто тогда создал этих... «Металлопоедающих» бактерий?!

– Их Хозяева.

– ?!..

– Теперь, когда я всё, что хотела, увидела, я говорю, что с восьмидесятидвух процентной вероятностью, этих людей создали искусственно, и завезли сюда, в систему с двумя пригодными для жизни планетами, некие достаточно продвинутые инопланетяне.

Это, так сказать, их Социальный эксперимент.

Окончившийся полным провалом. И вот, чтоб со-

хранить хоть какую-то жизнь на этих планетах, этот «кто-то» принял единственно логичное и разумное решение.

Сделал невозможными в будущем вот такие, глобально-летальные, конфликты. Без металла в космос не полетишь! Да что там: даже наконечник копья приличный не сделаешь. А так, на местном, межплеменном, так сказать, уровне – пусть их резвятся! Хоть кто-то да хоть где-то – всё равно выживет. И расплодится. Снова заселив девственные пространства!

Джо сглотнул липкий комок. Сцена безжалостного убийства беззащитных стариков и детей всё ещё стояла перед глазами. Пола, похоже, одолевали примерно те же чувства:

– То есть – эти гады, инопланетяне, изначально заложили такие черты характера и поведения в их... гены. Жестокость, доходящую до звериной, страсть к убийству ближних, и банальному грабежу! Как у бандитов мафии из далёких тридцатых годов! Ну, или пионеров Дикого Запада. И воспитали соответственно в таком духе самое первое поколение! А теперь – от ответственности – в кусты?!

– Ты довольно точно описал ситуацию, Пол. – Джо дёрнул щекой, – Именно так всё представляется и мне. Социальный эксперимент с развитием параллельно двух одинаково устроенных и организованных цивили-

лизаций – провалился. Но это не помешает инопланетянам-хозяевам позже вернуться сюда снова, и попробовать на этих озлобленных бедолагах что-то ещё. Новенькое.

– Проклятье! – Пол треснул рукой по пульту, чем вызвал дрожание картинок на боковых мониторах, и треск в недрах стола, – Сволочи!

– Ну, не такие уж и сволочи. – Джо пожал плечами, – Всё-таки – они дали жизнь этой... расе. И предоставили шанс. Обустроить своё существование. Сосуществование. И социальный уклад.

– Да это разве – жизнь?! Это – вечная война! Подлыми и жестокими средствами! Пусть и примитивными орудиями. Но ведь – смертельная! Раз у них это – в генах! В крови... Вот ведь твари инопланетные! Додумались!

Тогда получается, что куда честней поступают «неблагополучные» матери, которые сдают своих детей сразу – в детдома! Чтоб не передать им своих наследственных генов, и, главное – не воспитать на личном примере алкоголиков, наркоманов, и бандитов!

– Не нам об этом судить. – Джо сглотнул, вспоминая «бурную» молодость и юность, когда он как раз и мечтал о таком – чтоб его от отца-бандита, и матери-алкоголички, забрали в этот самый детский дом. – Пошевели-ка извилинами. Недавно мы и сами... Пре-

зирали и гнобили своих же собратьев. Негров, например – в двадцатом веке. И прочих аборигенов Тасмании и Австралии, ещё раньше. Да и Америки, если уж на то пошло. И только чудо, и терпение наших основных врагов – русских и китайцев! – спасло планету в далёком двадцать первом веке от вот этого самого! Глобального. Пусть и на одной планете.

– Пожалуй ты прав... – Пола, было видно, что проняло, – Мы и сами – не ангелы. Но – смогли же?!

– Да. А две тысячи четыреста тридцать две расы, планеты которых мы нашли вымершими – не смогли! Отсюда вопрос: считается ли успешным эксперимент, который удался только в ноль целых ...рен десятых...
Мать, сколько там?

– Одна целая девяносто шесть сотых процента.

– Чёрт. Всё равно мало. Но... Что же нам делать-то теперь?

– Что-что... Сваливать отсюда к такой-то матери – Мать, извини! Это – не о тебе, а в более общем смысле!

– Ничем не поживившись?

– Как это – ничем? А данными для социологической статистики?

– Так ведь они – бесплатны?!

– О! Верная мысль. А давай-ка мы *продадим* информацию о координатах этой системы – нашему Нью-Йоркскому Университету внеземной социоло-

гии. Они-то – будут счастливы! Да и мы – целы!

– Погоди-ка... А если какой-нибудь идиот захочет отобрать пробу с такими бактериями, и продать нашим бравым воякам?! Ну а те рано или поздно захотят испытать?! На врагах... Или на своих же! Ну, или чёртовы микробики-бацилочки сами случайно вырвутся на свободу где-нибудь на Земле?! Или на колониях?

– Снова верная мысль. Поэтому. Мы мирно и быстро летим себе дальше. А информацию о координатах этой Системы Мать сотрёт!

– Мать! Сотрёшь?

– Сотру. Потому что план, предложенный Джо – единственно реально безопасный. Для Земли. И вообще – людей.

– Ну, если так, и хотя бы при моей жизни никто другой из наших эту чёртову Систему не обнаружит, то я согласен. Но...

– Вероятность повторного нахождения этой Системы людьми составляет сейчас около ноль целых тринадцать сотых процента. Мы, как вы и приказали, «шуруем» только в совсем уж отдалённых Мирах.

– Ну, хоть это радует... Ладно, что там у нас на обед?

– Шашлык из аборигеночек. Ладно, шучу. Борщ. А на второе – котлеты с картофельным пюре. Дрожжевые. Ладно: снова шучу. Уж больно забавно наблюдать, как вытягиваются ваши лица.

– Знаешь что, Мать! Вот погоди: вернёмся в Клайд, и я сам прикажу технику Вассе выворотить к ...ерам собачьим твой блок «неформальной логики и юмора»!

– Не прикажешь. Тебе первому будет скучно. И стыдно.

– Твоя правда, – Джо наигранно тяжело вздохнул, – Не прикажу. Ну а пока будем обедать, придумай, куда нам дальше-то... Лететь.

– А чего тут думать. Маршрут давно проложен. Генератором случайных чисел. Так что ешьте-ка побыстрее, ложитесь в свои «противоперегрузочные», и я включаю гипердвижки! Всё-таки – другая Галактика – это другая Галактика! Займёт пару дней.

– Договорились. Ну что, напарник? К новым приключениям?!

По виду Пола никто бы не сказал, что в данную минуту он счастлив от данной перспективы...